

АНДРЕЙ ВОРОНИН

СПЕЦНАЗОВЕЦ

**ВЛАСТЬ
ЗАКОНА**

Спецназовец

Андрей Воронин

Спецназовец. Власть закона

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Спецназовец. Власть закона / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2012 — (Спецназовец)

ISBN 978-985-18-1011-2

В самопровозглашенной республике Верхняя Бурунда на севере Центральной Африки бесследно исчезли полтора десятка российских граждан, прибывших туда для строительства железной дороги. Один из них – бывший сослуживец генерала ФСБ Алексеева, когда-то спасший ему жизнь. Генерал обращается к своему, как он его называет, «полевому агенту с широкими полномочиями» Юрию Якушеву с просьбой о поисках и спасении пропавших россиян. Это не приказ, а только просьба, но Юрий ни минуты не раздумывает над ответом: ему ведь еще в учебке объяснили, что десант своих в беде не бросает. Вместе с двумя добровольцами – своим бывшим командиром и его (командира) женой – Юрий Якушев отправляется в далекую, полную неожиданностей и смертельных опасностей Верхнюю Бурунду...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-1011-2

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Воронин
Спецназовец. Власть закона

© Подготовка и оформление Харвест, 2012

Глава 1

До полудня оставалось еще около четырех часов, но поросшую жесткой, выгоревшей на беспощадном солнце травой равнину уже придавило гладильным прессом зноя, который постепенно усиливался, обещая вскоре стать нестерпимым. По мере того как солнце поднималось к зениту, выжигая с небесного купола рассветные краски, тот выцветал и блек, становясь из ярко-синего белесым, мутноватым от зноя, тусклым. Над землей струился, напоминая жидкое стекло, горячий воздух, и плоские, будто срезанные ударом гигантского лезвия кроны черных акаций дрожали и корчились в знойном мареве, ежесекундно меняя очертания. Укрепленный на верхушке сучковатой и не сказать чтобы прямой деревянной мачты полосатый матерчатый конус ветроуказателя безжизненно обвис, издав далеко напоминая одетое в тельняшку тело вздернутого на фок-рее джентльмена удачи. У подножия мачты неопрятной кучкой строительного мусора приткнулся крытый ржавой жестью, сколоченный из разнокалиберных досок сарайчик. Если приглядеться, на некоторых досках можно было различить нанесенные черной краской по трафарету надписи – точнее, их разрозненные фрагменты, поскольку, давая вторую жизнь старым упаковочным ящикам, строители не потрудились собрать деревянную мозаику таким образом, чтобы любой желающий мог наслаждаться чтением всевозможных «брутто», «нетто» и прочей бессмыслицы, которой обыкновенно украшают тару подобного рода.

Окон в сарайчике не было. Над пустым дверным проемом в полном безветрии повис пестрый, как костюм сумасшедшего арлекина, флаг. Нейлоновое полотнище резало глаз своей новизной и яркостью не успевших поблекнуть красок. В центре его горел похожий на глазок яичницы солнечный диск, на фоне которого красовалось весьма натуралистичное изображение автомата Калашникова, в котором более или менее осведомленный человек без труда узнал бы АК-47 – архаичный, но по-прежнему безотказный и пользующийся неизменной популярностью в странах третьего мира. Что же до самого флага, то, чтобы определить его принадлежность, следовало не столько обладать обширными познаниями, сколько внимательно следить за новостями, о которых редко пишут в газетах и говорят по телевизору ввиду их невеликой важности и сомнительной достоверности.

Слева от сарайчика паслись, терпеливо перетирая челюстями жесткие стебли, тощие пятнистые козы. Справа, в тени, стоял прислоненный к стене остов дамского велосипеда – ржавый, облезлый и, судя по виду, хорошо помнивший времена колониального рабства. Стена была изрешечена пулями – судя по калибру и приличному разбросу, все из того же старого доброго АК-47. Сквозь пустой, никогда не закрывавшийся дверной проем был виден угол дощатой полки, на которой громоздилась покрытая толстым слоем пыли, ни на что не годная груда хлама, некогда представлявшая собой рацию. Этот мудреный прибор начал барахлить задолго до того, как его вместе со стеной и диспетчером прошло длинной очередью из автомата. Труп диспетчера в сарае отсутствовал, и было непонятно, кто об этом позаботился – сердобольные соотечественники или голодное зверье; труп радиации не был нужен ни тем, ни другим, ввиду чего до сих пор оставался на месте. Поодаль среди обломков рухнувшего навеса ржавело под открытым небом с десяток пустых железных бочек из-под горючего. Над входом в сарай белой краской от руки вкривь и вкось было написано по-французски: «Аэропорт Лумбаши». Если верить надписи и действительно считать это сооружение терминалом аэропорта, щиплющих траву коз следовало признать аэродромной службой, а персоналом более высокого ранга. Небольшое стадо жирафов, проследовавшее в отдалении по каким-то своим делам, в платежной ведомости аэропорта Лумбаши явно не фигурировало – оно относилось к категории посторонних лиц, которых надлежало нещадно гнать со взлетно-посадочной полосы в целях обеспечения безопасности полетов. Жирафы, впрочем, не проявляли ни малейшего желания проникнуть на запретную территорию и составить конкуренцию козам. Длинноше-

ими силуэтами помаячив в струящемся знойном мареве, они прошли своей дорогой и вскоре скрылись из вида.

В отдалении возник и начал приближаться неровный гул нескольких моторов, над желто-рыжей, слегка всхолмленной равниной встало подвижное, растущее на глазах облако красноватой пыли. Козы перестали щипать траву и повернули головы на звук. Звук усиливался, клубящаяся пылевая туча приближалась; вожак беспокойно мемекнул, и стадо, насчитывавшее чуть меньше десятка голов, благоразумно покинуло окрестности «аэропорта». Сбитая козыми ногами пыльца повисла над травяным морем золотистым, медленно оседающим облачком, предательски указывающим направление, в котором удалилось стадо.

Вскоре на извилистой грунтовой дороге, что вела к летному полю, показался кортеж, состоявший из расхлябанного, знававшего лучшие времена автобуса и двух открытых армейских джипов сопровождения. Оливково-зеленые внедорожники лихо прыгали с ухаба на ухаб, вздымая колесами красную пыль, и установленные на дугах пулеметы мотались из стороны в сторону, напоминая тонкие черные пальцы, бессмысленно грозящие источающему ровный сухой жар небу.

Съехав с дороги, машины описали полукруг и остановились недалеко от изрешеченной пулями дощатой будки аэропорта. В официальном рапорте с театра военных действий произошедшее примерно полгода назад убийство сонного безоружного диспетчера, из которого состоял весь здешний персонал и который вряд ли успел понять, что и почему происходит, было названо «операцией по захвату аэропорта Лумбаши» – разумеется, блестяще спланированной и великолепно проведенной, ибо язык победных рапортов немислим без превосходных степеней.

Когда осела пыль, стало видно, что в джипах полным-полно одетых в камуфляж солдат, а в салоне автобуса, напротив, нет никого, кроме водителя, который щеголял в точно таком же пятнистом наряде. Все присутствующие были ярко выраженными представителями негроидной расы; кожа у них была не кофейная или шоколадная, а черная, как сапог, с характерным синеватым отливом. Это были крепкие, хорошо упитанные, находящиеся на пике физической формы люди, носившие военную униформу с небрежным щегольством, свидетельствующим о том, что убийство себе подобных для них не хобби, а профессия. Несмотря на жару, никаких шорт или хотя бы коротких рукавов тут не наблюдалось.

Полное единообразие в одежде, одинаково заломленные на правую бровь береты с треугольными флажками, повторяющими расцветку висящего над входом в будку диспетчерской флага, и солидное вооружение, состоявшее из неизменных АК-47, тяжелых армейских пистолетов, ножей и ручных гранат, прямо указывали на то, что это не полиция и не набранная сбору по сосенке банда мятежников, а регулярная армия – ну, или, по меньшей мере, формирование, очень стремящееся за нее сойти.

Командир, отличавшийся от своих подчиненных чуточку более зрелым возрастом, оливково-смуглым цветом кожи да крупными многолучевыми звездами, что сверкали на матерчатых погонах, жестом отдал приказ. Чернокожие вояки горохом посыпались из джипов, в два счета оцепив прилегающую к «терминалу» территорию. Два из них осмотрели пустую будку, действуя при этом так, словно ожидали обнаружить внутри вооруженную до зубов засаду. Таковой не обнаружилось; известив об этом начальство, brave воины заняли позиции по сторонам дверного проема, закурили и затеяли какую-то оживленную беседу, мгновенно превратившись из матерых, пусть себе и темнокожих, спецназовцев в парочку негров, которым от нечего делать вздумалось поиграть в солдат.

Командир коротко переговорил с кем-то по рации, а затем тоже закурил, развалившись на переднем сиденье джипа и благодушно поглядывая по сторонам. Взгляд его то и дело останавливался на флаге, который был всего на пару-тройку месяцев новее государственности, символом которой являлся. Эта цветастая нейлоновая тряпка обошла казне молодой рес-

публики в сумму, по местным меркам весьма и весьма впечатляющую; с точки зрения профессионального вояки, этим деньгам можно было найти куда более разумное применение. С цинизмом, свойственным всем без исключения наемникам, майор Аль-Фахди подумал, что в данном конкретном случае деньги все-таки были потрачены на благо народа – по крайности, его отдельных представителей. Можно было не сомневаться, что, если флаг в ближайшее время не снимут представители законной власти, вскоре какая-нибудь молодуха в одной из окрестных деревень получит от своего суженого нарядную обновку. Возможно, ее за это застрелят прямо посреди пыльной деревенской улочки, но это лишь в том случае, если ей очень сильно не повезет. Представлялось куда более вероятным, что ничего страшного с гипотетической молодухой не произойдет: говорить о полном контроле над территорией, размером превосходящей европейское государство, колонией которого она когда-то являлась, было просто-напросто смешно. Огромные расстояния, малочисленность армии, почти полное отсутствие дорог и кочевой образ жизни многих местных племен сводили вероятность поимки злоумышленника, посягнувшего на новенький государственный флаг и кощунственно обмотавшего им плохо помытые прелести своей избранницы, почти к нулю.

Где-то далеко послышался ровный низкий гул. Прислушавшись, майор поднял голову и, пошарив глазами по небу, далеко не сразу, но все-таки разглядел в блеклой небесной голубизне маленькую серебристую блеску. При рассмотрении в бинокль блеска оказалась самолетом, чему майор несколько не удивился: самолеты приземлялись в Лумбаши нечасто, но вероятность увидеть в небе парящий над саванной танк или, скажем, паровоз, как ни крути, была еще меньше. Другое дело, что самолет самолету рознь; достойной упоминания боевой авиацией враги молодой республики, по счастью, не располагали, но забросать аэродром бомбами можно и с гражданского аппарата, будь то грузовой «боинг» или легкая четырехместная «сессна».

Майор кивнул радисту, и тот принялся крутить верньеры и шелкать переключателями, настраиваясь на условленную частоту. Вызывая приближающийся к аэродрому борт, он говорил на варварском диалекте, который в этих краях считался французским языком. Радист, в отличие от майора, был из местных – просто одна из тех обезьян, которых хроническая бескормица заставила спуститься с деревьев и научила ходить на задних лапах и застегивать ширинку. Майор родился и вырос в большом современном городе на севере Африки, получил недурное образование, был правоверным мусульманином и относился к местному населению с нескрываемым презрением. Он потратил немало времени, сил и нервов, пытаясь сделать из этой банды черномазых язычников нечто способное сойти за солдат хотя бы с приличного расстояния и при не слишком внимательном рассмотрении, так что его отношение к ним во многом было, увы, обоснованным – во всяком случае, с его точки зрения.

Связь с самолетом удалось установить со второй попытки. К тому моменту, когда радист и экипаж достигли какого-никакого взаимопонимания, борт уже описал над аэродромом круг и пошел на снижение. Теперь он был виден невооруженным глазом – выкрашенный сверху в защитный цвет, а снизу в серо-голубой, в тон неба, древний двухмоторный «Дуглас» с цветастой эмблемой на потрепанном фюзеляже и хвостовым номером, который, как подозревал майор, представлял собой полнейшую абракадабру, из коей даже пророк Магомет не сумел бы извлечь ни крупинки полезной информации. Когда машина пронеслась над будкой аэропорта, от плотного рева моторов заложило уши; не рискнув садиться с первого захода, пилот набрал высоту и ушел на второй круг. Понять его было несложно: поросшая пучками жесткой травы, короткая и неровная посадочная полоса – единственное, чем мог похвастаться аэропорт Лумбаши, – представляла собой не самое подходящее местечко для того, чтобы играть в орлянку с судьбой.

Распугивая затаившуюся в тени черных акаций живность, «Дуглас» описал над равниной широкий, со стороны кажущийся томительно неторопливым круг и решительно пошел на посадку. Его закрылки опустились, круглый нос задрался; сухая трава справа и слева от полосы

легла и заструилась на поднятом бешено вращающимися винтами ветру, по полосе побежали красноватые смерчи. Наконец обутые в лысую резину колеса шасси коснулись земли; самолет тяжело подпрыгнул, снова нащупал под собой твердую опору, покатился, натужно ревя включенными на реверс двигателями, опустил нос и, притормаживая, вздымая целые тучи пыли, устремился в конец полосы. Пилоту удалось остановить машину буквально в паре метров от ее конца, и майору показалось, что тут не обошлось без маленького чуда; во всяком случае, когда «Дуглас» катился мимо, он отчетливо видел в окошке кабины летчика, который держался обеими руками вовсе не за штурвал, а за собственную курчавую голову.

Огромные пропеллеры вращались все медленнее и наконец остановились, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Майор уронил на землю окурок тонкой сигары и, выходя из машины, наступил на него подошвой высокого, начищенного до антрацитового блеска армейского ботинка. Повинуясь небрежному жесту его левой руки, солдаты выбежали на полосу и замерли, выстроившись в шеренгу, долженствующую изображать собой почетный караул. Случай был в меру торжественный, хотя говорить о признании международным сообществом и установлении дипломатических отношений пока не приходилось. Нынешний работодатель майора Аль-Фахди называл сегодняшнее событие первым шагом на пути к этим приятным вещам, а также к укреплению государственности и международного авторитета молодой республики. По крайней мере, так он говорил, выступая на митингах и пресс-конференциях, хотя майор не без оснований подозревал, что на уме у этого черномазого клоуна что-то иное – не столь возвышенное, зато куда более конкретное.

Впрочем, это были дела его превосходительства, совать в которые нос майор Аль-Фахди считал ниже своего достоинства; что он знал наверняка, так это то, что от прибытия долгожданных гостей напрямую зависит его личное финансовое благополучие. Молодая республика в лице ее так называемого президента задолжала сведущему в стратегии и тактике партизанской войны арабу кругленькую сумму, и посадка в аэропорту Лумбаши ископаемого «Дугласа» означала, помимо всего прочего, что теперь эта сумма находится в распоряжении его высокопревосходительства. Уверткам и ужимкам этого ряженого орангутанга пришел конец; майор твердо намеревался еще до заката получить сполна все, что ему причитается. А причиталось ему немало. Государство, которому он сейчас служил, своим возникновением было во многом обязано ему, и не далее как сегодня он известил господина президента о том, что, подобно джинну из арабской сказки, умеет не только строить на пустом месте царства, но и превращать построенное в дымящиеся руины. Майор Аль-Фахди не читал Гоголя и никогда не слышал о Тарасе Бульбе, но суть сказанного господину президенту в утренней беседе с глазу на глаз по поводу дальнейших проволочек с выплатой жалованья сводилась к сакраментальному: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Впрочем, майор надеялся, что таких крутых мер удастся избежать. Господин президент хорошо знал, на что он способен, и, надо отдать ему должное, был достаточно разумным человеком с развитым инстинктом самосохранения, который, как твердо рассчитывал араб, в решающий момент должен был возобладать над жадностью. Кроме того, недавно появившаяся на карте Африканского континента независимая республика по-прежнему нуждалась в услугах опытного военного советника: ее до сих пор никто не признал, а государство, от которого господин президент не без помощи Аль-Фахди оттяпал чуть ли не половину территории, вовсе не было от этого в восторге. Вдоль зыбкой, ежечасно меняющей очертания и никак не обозначенной границы не утихала стрельба; поговаривали о появлении у противника танков и даже боевых вертолетов. В этой непростой ситуации майор Аль-Фахди был для господина президента буквально на вес золота, в связи с чем иногда почти всерьез сожалел о том, что не удосужился растолстеть.

Пропеллеры «Дугласа» окончательно замерли. Овальная пассажирская дверь в фюзеляже открылась, и появившийся на пороге африканец в полувоенной одежде спустил на землю лег-

кий алюминиевый трап. Майор привычно одернул полы камуфляжной куртки, без необходимости поправил идеально сидящее кепи и двинулся к самолету, на ходу прочищая горло для краткой приветственной речи.

* * *

Как и говорил продавец-консультант из магазина бытовой техники, перегородка оказалась хлипкой. Толщиной всего в полкирпича, она была сложена на штукатурном известковом растворе, и первый же удар кувалдой пробил в ней неровную дыру. Один из спецназовцев посветил туда фонарем, но не увидел ничего, кроме клубящейся в луче электрического света известковой пыли.

– Ну что, ломаем? – спросил он, обращаясь к Юрию.

– А ты что предлагаешь: устроить перекур? – ворчливо откликнулся майор Якушев, проверяя амуницию, состоящую из пистолета с глушителем, ножа и легкого бронежилета.

Не дожидаясь дальнейших указаний, двое спецназовцев заработали кувалдами, по очереди нанося удары, каждый из которых заметно увеличивал брешь в перегородке. Юрий отошел в сторонку, чтобы не глотать пыль, и по неосторожности едва не сбил с ног какого-то белесого суетливого типа в темном пиджаке и белой рубашке без галстука – надо полагать, менеджера того самого магазина бытовой техники, в подвале которого они сейчас находились. При ближайшем рассмотрении на лацкане его пиджака обнаружилась закатанная в прозрачный пластик табличка, подтвердившая догадку Якушева и сообщившая дополнительную информацию: менеджер, оказывается, приходился ему тезкой.

– Простите, – обратился менеджер к Юрию, – это вы здесь главный?

– Самый главный наверху, – сообщил Якушев. – Такой представительный, полный, с большими звездами на погонах. Да вы его, наверное, видели. Это тот самый, который больше и громче всех кричит. А что?

– Я по поводу возмещения ущерба, – сказал менеджер.

– Какого ущерба?

– Я имею в виду перегородку. Ее ведь ломают по вашему приказу, верно?

– Я бы сказал, по моей команде, – поправил Юрий, в голосе которого теперь звучало слегка настороженное удивление. Было почти невозможно поверить, что этот похожий на вареного судака субъект имеет в виду именно то, о чем говорит. – Отданной в ходе выполнения приказа об освобождении заложников. А вы, стало быть, ищите крайнего?

– Я бы так не сказал, – возразил менеджер. – Я же все понимаю: у вас служба, речь идет о спасении людей и так далее... Но и вы поймите: мне вовсе не улыбается перспектива оплатить убытки из своего кармана...

– Крайнего ищите, – с уверенностью повторил Юрий. – Считайте, что уже нашли. И раз уж все равно пропадать... Сундук, – окликнул он одного из бойцов, не занятых причинением ущерба чужой частной собственности, – сделай одолжение, помоги вот этому господину снять пиджак и рубашку. И дайте ему что-нибудь накинуть, а то простудится, носи ему потом апельсины...

– Что вы себе позволяете?! – пискнул менеджер, но здоровенные, как совковые лопаты, и примерно такие же нежные лапы Сундука уже легли ему на плечи, одним неуловимым движением вытряхнув из пиджака.

Реквизированные предметы гардероба оказались Юрию, мягко говоря, маловаты. Рукава пиджака не доставали до запястий, а о том, чтобы его застегнуть, не могло быть и речи.

– Ну и пугало, – сказал Сундук, окинув Юрия критическим взглядом.

Зеркало в подвале, разумеется, отсутствовало, но, чтобы убедиться в справедливости данного замечания, оно не требовалось: Юрий и сам чувствовал, что выглядит странно, чтобы

не сказать глупо. Чувство было подозрительно знакомое, хотя он уже и не помнил, когда и при каких обстоятельствах его испытывал. А впрочем... Ну да, так и есть! Примерно так же он выглядел и чувствовал себя, когда, уволившись из армии и вернувшись домой с войны, на которой провел несколько долгих лет, примерил свои старые гражданские тряпки.

Прогонять воспоминание о давней истории, закончившейся в меру скверно, не пришлось – оно ушло само, как уходит воспитанный человек, заглянувший к знакомым и с порога понявший, что хозяевам не до него. Якушев скрестил на груди руки и двинул плечами, сведя вместе локти. Послышался негромкий треск, после чего лопнувший вдоль всей спины пиджак легко застегнулся. Менеджер ахнул, но его возмущенный возглас заглушил дробный грохот посыпавшихся в пролом кирпичей.

– Ну, будет, – сказал Юрий. – Вам только дай волю, вы пол-Москвы снесете.

– Ломать – не строить, – отставляя к стене испачканную известкой и рыжей кирпичной пылью кувалду, сказал один из бойцов.

Вооружившись фонарем, Юрий первым нырнул в пролом, за которым обнаружился пустой коридор с низким потолком и сырым земляным полом. Вдоль покрытых облупившейся побелкой, испещренных потеками и пятнами сырости стен тянулись кабели и трубы, с которых свисали лохмотья теплоизоляции и черные от грязи клочья старой паутины. За поворотом коридор расширился, впереди показалась ведущая наверх лестница, у подножия которой, оставляя лишь узкий проход посередине, громоздились груды наваленных как попало картонных ящиков, каких-то мешков и сломанных стульев. Зрелище было отрадное, поскольку означало, что подвалом пользуются. А раз пользуются, значит, наверху имеется дверь, которую, если чуточку повезет, можно открыть.

Там, наверху, располагалось небольшое уютное кафе, которое Юрий пару раз посещал, оказываясь по делам в этом районе Москвы. Здесь неплохо готовили и подавали по-настоящему хороший, крепкий, умело заваренный кофе. По вечерам в кафе играл струнный квартет, но сейчас до вечера было еще далеко, и в тесноватом обеденном зале происходил концерт иного рода.

Первый аккорд этой бездарной какофонической пьески прозвучал примерно полчаса назад. За это время те, кому следует, изучили записи установленных поблизости камер наружного наблюдения. Много это, как всегда, не дало: одна из камер зафиксировала момент, когда в кафе вошел некий прилично одетый гражданин старше тридцати лет, навьюченный двумя тяжеленными сумками. Это было все; записи камер внутри кафе наверняка были куда более занятными и содержательными, но, чтобы их изучить, в кафе еще нужно было проникнуть.

Примерно через минуту после того, как гражданин с тяжелыми сумками вошел в заведение, прохожие услышали выстрел и крики. Кто-то позвонил в полицию; один из свидетелей, которому каким-то чудом удалось выскочить из кафе буквально в последний момент, рассказал, что посетитель с сумками стрелял в охранника – тот, видите ли, не хотел пускать его в зал с багажом. Убедиться в правдивости этих показаний не составляло труда: лежащий посреди вестибюля труп был превосходно виден сквозь стеклянную дверь.

Дальше все пошло как по маслу: мигалки, бронежилеты, снайперы, ОМОН, спецназ, заложники и, как водится, переговоры, которые очень быстро зашли в тупик ввиду явной абсурдности выдвигаемых террористом требований. Забаррикадившийся в кафе чудака то настаивал на освобождении всех до единого политических заключенных (хотя так и не смог назвать ни одного конкретного имени), то запрашивал пять миллионов евро, бронетранспортер до аэропорта и самолет с полными баками, то требовал вызвать президента вместе с премьером для личной, строго конфиденциальной беседы. Операцией по освобождению заложников командовал генерал-майор Копытин, известный как большой сторонник крутых мер. Он устранил бы проблему в два счета – маленькое кафе со стеклянной стеной плохо приспособлено для того, чтобы держать оборону и играть в пятнашки с профессиональными снайпе-

рами, – если бы не одно маленькое «но»: доморощенный террорист, с которым связались по телефону, упорно плел что-то о «мертвой руке» – устройстве, которое сработает, как только его застрелят, и уничтожит всех заложников до единого.

Понятно, что генерал Копытин был взбешен этой внезапно возникшей помехой. По его мнению, высказанному с истинно военной прямоотой, все эти разговоры о «мертвой руке» представляли собой не более чем болтовню неврастеника, насмотревшегося по телевизору боевиков. Его явно подмывало отдать приказ о штурме или хотя бы позволить снайперам открыть огонь; адепт грубой силы и сторонник простых решений, он выходил из себя при мысли о том, что какой-то гражданский, засевший с пистолетом в руке под призрачной защитой стеклянной витрины, для него так же неуязвим, как если бы прятался не в кафе, а на борту международной космической станции.

Возможные жертвы среди заложников и участников штурма генерала не волновали: на войне как на войне, – и, поднимаясь по лестнице, что вела из подвала в служебные помещения кафе, Юрий торопился, почти физически ощущая, как одна за другой убегают секунды. Вместе с ними стремительно таяло терпение господина генерала; еще немного, и последует незаметный кивок или неразборчивая команда по радио, снайпер спустит курок, и все кончится – либо так, либо эдак. Если Копытин прав и разговоры об устройстве «мертвой руки» – просто блеф, его превосходительство добавит в свой послужной список еще одну блестящую победу. А если он ошибается, выдавая желаемое за действительное, гибель заложников спишут на трагическую случайность, виновника которой, вероятнее всего, так и не удастся найти.

Дверь, к немалому облегчению Юрия, оказалась вполне обыкновенной. Это было хлипкое пустотелое сооружение из наклеенной на тонкие деревянные бруски фанеры, с виду красивое и прочное, а на деле представляющее собой не столько дверь, сколько ее видимость. Якушев мог высадить ее одним ударом, но ему не хотелось раньше времени поднимать шум: с таким же успехом можно было просто позволить Копытину послать спецназ на штурм.

Подсвечивая себе фонарем, Юрий вынул нож и ввел прочное лезвие в щель между дверью и косяком. Клинок с царапающим звуком коснулся металлического язычка замка; Якушев нажал на рукоятку, используя нож в качестве рычага, дерево негромко хрустнуло, подаваясь; Юрий усилил давление, и язычок со щелчком, показавшимся оглушительно громким, выскочил из гнезда. Юрий успел поймать распахнувшуюся дверь за ручку, не дав ей удариться о стену, и прислушался.

Дверь выходила в тускло освещенный служебный коридор. Судя по всему, где-то рядом располагалась кухня, но стряпней в коридоре почему-то не пахло – пахло бензином, да так густо, словно прямо за дверью стоял древний отечественный драндулет с карбюраторным двигателем и протекающим топливным баком. Со стороны обеденного зала доносилось монотонное бормотание работающего телевизора. «Президент самопровозглашенной республики Верхняя Бурунда Пьер Мари М'бутунга на днях озвучил намерение своего правительства возобновить разработку угольного месторождения, расположенного в верховьях...»

Хруст раздавленного чьей-то подошвой стекла помешал Юрию расслышать, в верховьях какой именно реки расположено угольное месторождение. Судя по некоторым деталям, речь шла о каком-то африканском государстве, некогда являвшемся французской колонией. «Что еще за Верхняя Бурунда? – боком выскальзывая в коридор, мимоходом подумал Якушев. – Верхняя Бурунда... Нижняя ерунда! Бурунди знаю, а о Бурунде впервые слышу...»

Стараясь ступать как можно мягче, он боком двинулся по коридору. За ним бесшумным ручейком одетых в черное безликих фигур потекли спецназовцы. Оглянувшись, Юрий жестом приказал им оставаться на месте. Запах бензина усиливался, превращаясь в забивающую легкие удушливую вонь; он вызывал тошноту, и Юрий нисколько не удивился, услышав впереди характерные утробные звуки: в обеденном зале, где, судя по всему, располагался источник этого благоухания, кого-то рвало.

– Уймись, сука! – прокричал срывающийся, дребезжащий от напряжения мужской голос. – Ты у меня сейчас все это языком вылижешь!

«...Образовалось в результате попытки военного переворота, предпринятой группой армейских офицеров, возглавляемой нынешним президентом Верхней Бурунды Пьером Мари М'бутунга, около шести месяцев назад. Законному правительству удалось удержать власть, однако мятежники установили контроль над обширной территорией на севере Центральной Африки, объединяющей три провинции...» – продолжал невозмутимо вещать диктор.

– Эй, генерал, ты еще на связи? – снова заглушил его слова голос террориста. – Светлячки от лазерных прицелов – это впечатляет, не спорю. Только имей в виду, что у меня тут имеется парочка иностранцев, в том числе один америкос – если не врет, хороший знакомый посла Соединенных Штатов в России. На простых российских граждан тебе, я знаю, плевать, но за этого звездно-полосатого козла тебя посадят на кол посреди Красной площади. Так что хорошенько подумай, прежде чем делать глупости.

Юрий покачал головой. Насчет приятеля посла США – это, пожалуй, был уже перебор. Еще ему показалось, что голос террориста звучит не совсем уверенно, как будто человек чувствует себя не в своей тарелке и, не имея сколько-нибудь четкого, продуманного плана действий, несет полнейшую отсебятину в надежде, что кривая вывезет. А впрочем, с учетом выдвигаемых им бессмысленных требований чего-то в этом роде и следовало ожидать. Тут генерал Копытин, пожалуй, был прав: на сей раз вызов силовым структурам столицы бросил не профессиональный преступник, а какой-то чудак, у которого просто снесло крышу. Такое случается не так уж и редко, особенно в больших городах с их бешеным ритмом жизни, выдержать который дано далеко не всем. Отсюда нервные срывы, психические расстройства, бессмысленные убийства, попытки суицида или публичные пляски посреди улицы в костюме Адама.

«По оценкам независимых экспертов международной компании геологоразведки, – продолжал вещать телевизионный диктор, – запасы угля в упомянутом месторождении достаточно велики, чтобы говорить об экономической целесообразности его дальнейшей разработки. По словам президента М'бутунга, прокладка железной дороги и возобновление добычи угля в промышленных масштабах будут способствовать не только экономическому росту самопровозглашенного государства, но и установлению истинной демократии и укреплению независимости Верхней Бурунды...»

Юрий остановился, прижавшись лопатками к стене, и осторожно выглянул из-за угла. Запах бензина был таким сильным, словно дело происходило не в московском кафе, а в наглухо задраенном трюме нефтеналивного танкера. Среди перевернутой мебели и битой посуды прямо на полу сидели заложники – человек восемь или десять, мужчины и женщины. Все они выглядели одинаково напуганными и мокрыми, словно побывали под сильным дождем. Вокруг них по полу растеклась приличных размеров прозрачная лужа; в стороне валялась на боку пустая алюминиевая канистра. Все было ясно; немедленно проснувшийся, как всегда бывало в таких случаях, бес противоречия шепнул, что сейчас было бы неплохо закурить – просто так, для удовольствия, а еще затем, чтобы посмотреть, куда взрывная волна может донести любознательного естествоиспытателя.

Еще одна канистра стояла в уголке, под прикрытием стены. На ней спиной к Юрию сидел худощавый человек в темных брюках и белой рубашке. Его пиджак висел на спинке стула; рядом на краешке стола лежал мобильный телефон, на правом ухе террориста подмигивал синим огоньком наушник беспроводной гарнитуры. В одной руке террорист держал пистолет – не пистолет, собственно, а револьвер, старый обшарпанный тульский наган, – а побелевшие от напряжения пальцы другой сжимали ребристое яйцо осколочной гранаты, и Юрий отчетливо видел надетое на один из них стальное кольцо с болтающейся на нем разогнутой чекой.

Он подавил горестный вздох. Все-таки разговоры о «мертвой руке» не были пустой болтовней, и из всех возможных вариантов этого устройства террорист выбрал самый простой

и безотказный. Как только его пальцы разожмутся, ударно-спусковой механизм воспламенит запал гранаты. Через четыре секунды в кафе прогремит взрыв, а то, чего не сделают осколки и ударная волна, доделает вспыхнувший бензин. Преступник не лгал, утверждая, что его смерть автоматически повлечет гибель заложников; хуже того, его жизнь тоже ни от чего их не гарантировала: у этого идиота могли просто устать пальцы.

Обернувшись, Юрий жестами описал ситуацию ближайшему из следовавших за ним бойцов. Информация по цепочке ушла за угол коридора и дальше, в подвал, откуда проникшие в кафе спецназовцы могли связаться по радио с генералом Копытиным, не опасаясь, что их услышит террорист. У парня явно случился нервный срыв, а в этом состоянии человек сам не знает, что выкинет в следующую секунду. Засевший в кафе человек мог прийти в себя, испугаться того, что натворил, вставить чеку на место, извиниться перед присутствующими и выйти на улицу с поднятыми руками. Но с таким же успехом он мог еще кого-нибудь застрелить или просто разжать пальцы, решив, что терять нечего.

То же самое – что терять уже нечего – мог подумать и скорый на руку Копытин. Нужно было срочно что-то делать. Юрий на глаз оценил расстояние до угла, где, глядя в окно, сидел человек с гранатой, попытался рассчитать бросок и понял, что не успеет.

Там, в подвале, никто не задавал лишних вопросов. Но если бы кто-то все-таки спросил, зачем ему понадобилось рядиться в чужой пиджак, Юрий затруднился бы с ответом. «На всякий случай» – вот, пожалуй, и все, что он мог бы сказать, если бы удосужился ответить на праздный, не имеющий прямого отношения к делу вопрос. Теперь в этом вопросе появилась кое-какая ясность; заметив справа от себя дверь мужского туалета, Якушев почувствовал, что ситуация прояснилась окончательно – разумеется, настолько, насколько она вообще могла проясниться.

Глава 2

Кургузый открытый джип мчался через саванну, волоча за собой густой, поднимающийся стеной до самого неба шлейф красноватой пыли. Вдали, у самого горизонта, синели подернутые дымкой лесистые отроги гор, выжженная солнцем желто-рыжая равнина была испятнана островками темной, почти черной зелени. Майор Аль-Фахди сидел за рулем, управляя машиной с небрежной уверенностью человека, который твердо знает, что устранять более чем вероятные проблемы с подвеской придется не ему. Вертя баранку, играя педалями и переключая скорости, он по ходу дела не забывал поддерживать светскую беседу с сидящим справа от него пассажиром.

– Я еще раз приношу вам глубочайшие извинения как от лица его превосходительства, так и от себя лично, – на отменном оксфордском английском говорил он. – Господин президент понимает, что эта поездка противоречит законам гостеприимства. Вам наверняка хотелось бы отдохнуть с дороги...

– Полноте, господин Аль-Фахди, – прервал его дипломатические экзерсисы пассажир. – В конце концов, мы, и я в том числе, приехали сюда не погостить. Работа прежде всего, не так ли? Кроме того, я никогда не понимал, зачем человеку, который на протяжении многих часов только и делал, что сидел в мягком кресле, потягивал виски с колой и смотрел в окно, нужен отдых.

Пассажир был европеец, одетый в демократичные джинсы из синтетической ткани и кремового цвета рубашку с коротким рукавом. Длинный козырек светло-песочного кепи затенял его незагорелое лицо; оголенные выше локтя мускулистые руки уже начали опасно розоветь, сигнализируя о неотвратимой угрозе сильного солнечного ожога. Лет ему было на глаз не меньше сорока пяти и не больше пятидесяти; он был сухопарый, подтянутый, крепкий, с резкими чертами лица и жесткой щеточкой коротко подстриженных рыжеватых усов на верхней губе. По-английски он говорил с заметным акцентом, то и дело замолкая, чтобы вспомнить нужное слово; французским, если верить анкете, он тоже владел, но предпринятая майором попытка заговорить с ним на этом языке, в здешних краях имевшем статус государственного, убедила араба в том, что анкете лучше не верить – по крайней мере, в этом пункте.

– Склоняю голову перед вашей скромностью и целиком разделяю ваше мнение, – сказал Аль-Фахди. – Хотя должен заметить, что так думают немногие. Американец на вашем месте непременно устроил бы скандал.

Пассажир коротко блеснул в его сторону темными стеклами солнцезащитных очков и позволил себе вежливо усмехнуться.

– Полагаю, это стало одной из причин, по которым господин президент заключил контракт не с американцами, а с нами, – сказал он.

– Совершенно верно: одной из, – в свою очередь улыбнулся Аль-Фахди. – И, поверьте, одной из главных. Его превосходительство очень тепло относится к вашей стране и, когда встал вопрос о приглашении зарубежных специалистов, практически не колебался.

Он затормозил, чтобы пропустить переходящее дорогу стадо жирафов. Издав негромкий восхищенный возглас, пассажир принялся упоенно щелкать затвором цифровой фотокамеры, спеша запечатлеть местную экзотику. Воспользовавшись паузой, араб закурил тонкую темную сигару. При этом он подумал, что его пассажир – довольно занятный тип. В принципе, интерес, проявляемый впервые попавшим в Африку европейцем к представителям местной фауны, вполне объясним и ничуть не удивителен. Удивительным майору Аль-Фахди казалось равнодушие, демонстрируемое этим человеком к другим особенностям местного колорита – например, к пулемету, прикрепленному к железной дуге чуть ли не над самой его головой, или к двум чернокожим воякам в полной боевой экипировке, что прямо сейчас сидели у него за

спиной на жестких лавках вдоль бортов в задней части кузова. Так же спокойно он отнесся к предложению немедленно, сразу же после прибытия в Лумбаши, даже не заезжая в гостиницу, ознакомиться с фронтом предстоящих работ. Его не удивило, что из всей группы такое предложение получил только он один, и, похоже, ему даже не пришло в голову задаться вопросом, почему с таким предложением обратились именно к нему, специалисту по снабжению, а не к начальнику строительства или кому-то из инженеров.

По всему выходило, что рядом с майором Аль-Фахди в машине сидит либо доверчивый глупец, либо крепкий орешек, с которым надлежит держать ухо востро. Первое в корне противоречило имеющейся у майора информации; второе не мешало бы проверить, но на тщательную, доскональную проверку у араба не было времени. Вернее, времени не было у черномазого клоуна – господина президента, как он себя называл.

Жирафы величаво прошествовали мимо и удалились в направлении темневшей неподалеку рощицы черных акаций. Майор выжал сцепление и передвинул рычаг коробки передач. Пассажир с сожалением опустил камеру и, решив, по всей видимости, последовать примеру араба, сунул в зубы сигарету. Доставая из кармана зажигалку, он заерзал ногами по полу. Там, внизу, что-то звякнуло. Наклонившись, специалист по снабжению поднял с пола стреляную пулеметную гильзу, мельком взглянул на нее и выбросил за борт.

– Нас уверяли, что военные действия в районе строительства, как и по всей границе, прекращены, – с вопросительным оттенком объявил он.

– Так оно и есть, – непринужденно солгал Аль-Фахди. – Но прекращение огня – не синоним полного разоружения, вы это знаете не хуже меня. Что же до сувенира, который вы только что выбросили, то не надо забывать, с кем приходится иметь дело и вам и мне. Полагаю, эти мартышки, – он едва заметно кивнул в сторону сидящих в кузове солдат, – опять развлекались, паля по кустам. А может быть, охотились, не знаю. Вы себе не представляете, каких трудов стоит поддерживать дисциплину среди этих дикарей!

– Не представляю, – чиркая зажигалкой, рассеянно согласился пассажир. – Я – человек сугубо гражданский, даже в армии не служил.

Араб проглотил это заведомо лживое заявление не моргнув глазом. Обмануть неверного – не грех, это правда. Только не надо ожидать, что неверный окажется настолько глупым и наивным, чтобы не попытаться отплатить вам той же монетой; это выдавший виды наемник усвоил давно и прочно. Отпустив сцепление, он дал газ, и джип снова запрыгал по ухабистой грунтовке, имевшей характерный для африканских дорог кроваво-красный оттенок.

– В таком случае, – возобновил он разговор, – вам придется многому научиться. Например, обращаться со стрелковым оружием, без которого здесь просто невозможно обойтись. Дикое зверье вряд ли остановит перспектива международного скандала.

– О, это как раз не проблема, – рассеянно отмахнулся пассажир. – У нас тоже водятся дикие звери, и я обожаю на них охотиться.

– Правда? – вежливо переспросил араб. – В таком случае придется устроить для вас сафари.

– Было бы неплохо.

– Быть может, начнем прямо сейчас? – предложил майор, съезжая на обочину и снова притормаживая. – Взгляните туда. – Он указал на небольшое, основательно пересохшее озерцо, что поблескивало метрах в двадцати от дороги, обрамленное неровной живой изгородью торчащего из липкой грязи тростника. – Напоминает грязную лужу, не так ли? По виду не скажешь, что там может водиться что-либо, помимо головастика, но я готов поставить полугодное жалованье на то, что без крокодила мы отсюда не уедем.

– Здесь? Крокодил?

В голосе приезжего прозвучало вежливое, но явное сомнение.

– Почему бы и нет? – пожал плечами майор. – В любом случае вероятность заметить его на верхушке дерева куда меньше... Да вон, кстати, и он.

– Где?! – взволновался специалист по снабжению и, встав во весь рост, стал смотреть в указанном арабом направлении.

Аль-Фахди спокойно расстегнул кобуру, большим пальцем сдвинул предохранитель, взвел курок и вынул пистолет. На всякого мудреца довольно простоты: иностранец по-прежнему стоял к нему спиной и, дав на дисплей своего цифрового фотоаппарата максимальное увеличение, высматривал в болоте крокодила. Перед лицом такой детской наивности майор на какое-то мгновение даже усомнился в правдивости полученной информации; впрочем, все эти нюансы его не интересовали, поскольку он просто выполнял приказ.

Выстрел вспугнул гнездившихся в зарослях тростника птиц, и они, вспорхнув, отчаянно молотя крыльями, описали над болотцем полукруг и плотной стайкой улетели куда-то на северо-восток. Специалист по снабжению лежал вниз лицом в пыльной жесткой траве, и кремовая рубашка на его спине быстро меняла цвет. Упершись руками в землю, он попытался подняться, и тогда Аль-Фахди, перегнувшись через опустевшее пассажирское сиденье, выстрелил ему в затылок. Простреленная голова бессильно упала в траву, на пропитанную кровью рубашку беззвучно сеялась золотистая травяная пыльца. Над саванной, искажая очертания предметов, дрожал и струился похожий на жидкое стекло горячий воздух. Майор выбрался из машины, поднял лежащий в пыли фотоаппарат и несколько раз сфотографировал труп, поставившись, чтобы в кадр попал не только развороченный пулей затылок, но и окровавленное лицо. Закончив, он сделал знак стволом пистолета, и солдаты, подхватив убитого под руки, волоком потащили его к болоту. За ними оставался широкий след примятой, испятнанной кровью травы, которая медленно, словно нехотя, распрямлялась, роняя пыльцу.

Аль-Фахди сделал глубокую затяжку, выбросил длинный окурочок на дорогу, снова залез в джип и, протиснувшись между сиденьями, перебрался в заднюю часть кузова. Солдаты, по щиколотки увязая в липкой грязи, подтащили труп специалиста по снабжению к кромке воды, раскатали и бросили в болото. Тело с плеском погрузилось в воду, и та вдруг ожила, вспенилась и забурлила. В фонтанах мутных брызг замелькали гребенчатые, покрытые непробиваемо толстой роговой чешуей спины и хвосты, защелкали густо усаженные кривыми страшными клыками пасти. Обман на поверку оказался вовсе не обманом – болотце буквально кишело крокодилами, которых так мечтал увидеть покойный. Что ж, теперь этому хитрецу представился отличный шанс свести с ними максимально близкое знакомство, заняв подобающее ему место в пищевой цепочке.

Солдаты испуганно шарахнулись назад, явно не горя желанием разделить его участь. Майор развернул пулемет, упер в плечо пластмассовый приклад, прицелился и нажал на спусковой крючок. Американский М60 загрохотал на всю саванну, лента, дергаясь, поползла из коробчатого магазина в курящийся пороховым дымом казенник, на срезе ствола забило злое дульное пламя, на пол джипа градом посыпались дымящиеся гильзы. Там, куда целился араб, во все стороны полетели срезанные пулями метелки травы, сухая земля, клочья ткани и кровавые брызги. Солдаты упали почти одновременно. Один из них, судя по издаваемым паническим воплям, был еще жив, когда на его голове сомкнулись челюсти стремительно выбросившейся на берег рептилии. Крокодил попятился и погрузился в мутную воду, утаскивая за собой судорожно бьющееся тело.

Когда все закончилось, майор окинул прощальным взглядом берег болотца, на котором в истоптанной грязи виднелись два автомата и свалившийся с чьей-то курчавой головы берет, закурил новую сигару и вернулся за руль. Запустив двигатель, он лихо развернул машину на узкой дороге и погнал ее в сторону небольшого поселка, который его превосходительство президент М'бутунга без стеснения именовал столицей независимой республики Верхняя Бурунда.

* * *

Осторожно открыв дверь, он бочком проскользнул в сортир. Здесь, в отличие от подвала, зеркало имелось. То, что Юрий в нем увидел, превзошло самые худшие его ожидания. На мгновение ему даже захотелось изменить первоначальный план действий и попытаться выдать себя не за менеджера из соседнего магазина, а за бредовую галлюцинацию, на которую он, честно говоря, сейчас больше всего походил: «Я ужас, летящий на крыльях ночи...» Тьфу!

Воспользовавшись наличием зеркала, он как мог привел в порядок гардероб: застегнул воротник рубашки, скрыв предательски выглядывающий из-под нее треугольник бронежилета, одернул полы куцего пиджака, скукожился, стараясь по возможности скрыть свой гренадерский рост и широкий разворот плеч, а потом спустил в унитаз воду и вышел из туалета, нарочито громко хлопнув дверью.

Его расчет оправдался лишь отчасти. Террорист не вышел в коридор, чтобы проверить, кого это там несет, но поднялся со своей канистры и даже сделал пару шагов навстречу вошедшему в обеденный зал Якушеву, направив на него наган.

– Ого, – не дав ему открыть рот, изумленно произнес Юрий и приостановился, изображая нерешительность. – Что за день сегодня – не понос, так золотуха! Извините, я, кажется, не вовремя. Зайду в другой раз.

Он попятился в сторону коридора.

– Стоять! – срывающимся голосом выкрикнул террорист. – Подошел сюда, живо!

У него было худое нервное лицо прирожденной жертвы, каковой он, несомненно, с самого детства являлся для всякого, кому было не лень дать ему пинка. Воспаленные глаза, увеличенные мощными линзами очков, беспокойно бегали из стороны в сторону, облупленный до сизого металла ствол нагана ходил ходуном. Юрий отчетливо видел, что наган солдатский – из тех, курок которых нужно было взводить вручную перед каждым выстрелом. На заре прошлого века такие наганы выпускались специально для нижних чинов, чтобы те попусту не тратили патроны, паля в белый свет, как в копеечку. В советские времена производство этих револьверов прекратили, отдав окончательное предпочтение самовзводной «офицерской» модели. Следовательно, данному конкретному револьверу было что-то около ста лет; впрочем, сохранился он неплохо, о чем лишний раз свидетельствовала незавидная участь лежавшего на полу в вестибюле охранника.

Хотя команды «руки вверх» не поступало, Юрий почел за благо ее выполнить. Так, с поднятыми руками, он двинулся к террористу. Это было очень кстати, поскольку позволяло сократить расстояние до дистанции верного броска, а если повезет, то и вовсе до нуля. Телевизионный диктор оставил, наконец, в покое свою Верхнюю Бурунду и перешел к другим новостям. О захвате заложников в центре Москвы до сих пор не прозвучало ни слова, и Юрий догадывался почему: генерал Копытин не жаловал журналистов и плевать хотел на обвинения в ущемлении свободы слова, а террорист, голова садовая, до сих пор не догадался потребовать пропустить сюда съемочную группу.

– Стоять! – снова скомандовал этот лопух, сам наверняка очень смутно представлявший, зачем, собственно, заварил эту кашу. – На пол, лицом вниз, живо!

До него было еще далековато – метров пять, не меньше. Юрий посмотрел на гранату в его руке, потом на пол.

– Тут лужа, – сообщил он. – По-моему, бензиновая. Может, я лучше постою?

– Лежать! – взвизгнул террорист. Он был на грани истерики – вернее сказать, уже далеко за гранью. – Живо лег, пока я тебя сам не уложил!

Слова он говорил в общем и целом правильные, подходящие к случаю, но звучало все это как-то ненатурально, словно не блещущий актерскими способностями человек произносил текст, написанный скверным драматургом.

– Прошу прощения, – сделал поправку на это обстоятельство, отменно вежливым тоном произнес Якушев. – Одну секундочку, я сейчас лягу. Только с вашего позволения выберу местечко посуше.

Он сделал шаг вперед, потом еще один. Под левой подошвой хрустнул осколок разбитой фарфоровой тарелки, правая с тихим плеском погрузилась в разлитый по полу, активно испаряющийся бензин. Телевизионный диктор сообщил, что в Большом готовится премьера новой оперы; Юрий занес ногу для третьего шага, и в это мгновение террорист выстрелил – возможно, случайно, а может быть, намеренно. Как бы то ни было, выстрел прозвучал без предупреждения и показался Якушеву громким, как залп артиллерийской подготовки перед началом большого наступления. Истерически завизжала какая-то женщина, по залу поплыл густой пороховой дым; Юрию показалось, что его лягнула лошадь, угодив копытом в живот. Он сложился пополам, чувствуя, как, слабея, подгибаются колени. Террорист снова нажал на спусковой крючок, но на этот раз наган не выстрелил: стрелок забыл взвести курок, из чего следовало, что перед Юрием еще тот вояка. Он засуетился, пытаясь исправить оплошность и поставить револьвер на боевой взвод при помощи кулака, в котором сжимал гранату. Момент был просто идеальный, и Якушев, заставив себя забыть о боли, которая буквально не давала вздохнуть, прыгнул вперед.

Его пальцы сомкнулись поверх сжимающей гранату ладони. Террорист уже успел взвести курок и сейчас же его спустил – вероятнее всего, рефлекторно, от неожиданности. Легкий кевларовый бронежилет остановил выпущенную из ископаемого револьвера пулю, но инерцию, приданную ей пороховыми газами, он погасить не мог, поскольку не был для этого предназначен. Рассвирепев от еще одного болезненного удара в ребра, Юрий свободной рукой отвесил противнику тяжелую оплеуху, вывернул из его руки гранату, успев перехватить рычаг ударного механизма, а потом толкнул его локтем в грудь.

Горе-террорист, которому вряд ли приходилось сталкиваться с подобным обращением с тех пор, как окончил школу, отлетел к окну и, оборвав занавеску, ударился лопатками о витрину. Толстое закаленное стекло угрожающе завибрировало, но устояло. Террорист оттолкнулся от него, выпрямился, пьяно мотая головой, и неловким движением взвел курок нагана. Держа в руке гранату без чеки, Юрий потянулся за пистолетом. В этот момент послышался короткий, резкий звук, который ни с чем нельзя перепутать, – звонкий щелчок пробившей стекло пули и тихий шелестящий дребезг брызнувших во все стороны мелких осколков. Худое, словно изглоданное непереносимым внутренним напряжением лицо террориста изменилось мгновенно и страшно: пройдя навывлет, винтовочная пуля вышла наружу через левый глаз, в один короткий миг превратив лицо в жуткую кровавую маску. Очки с единственной уцелевшей линзой свалились с переносицы и криво повисли на одной дужке. Не издав ни звука, террорист свалился и замер, как большая тряпичная кукла. Выпавший из его руки наган с лязгом ударился о пол; Юрию захотелось закрыть глаза, но выстрела, который с большой степенью вероятности мог воспламенить разлитый повсюду бензин, не последовало.

Якушев рассеянно утер забрызганное чужой кровью лицо и опустил глаза, только теперь ощутив неприятное жжение в правом бедре. Предчувствие его не обмануло: штанина в указанном месте была вспорота и уже успела пропитаться сочащейся из довольно глубокой царапины кровью.

– Снайперы, вашу мать, – пробормотал он и, наклонившись, снял с пальца убитого кольцо с разогнутой чекой.

Глава 3

Распугивая тощих кур и свиней, джип с мотающимся над кабиной черным хоботком пулемета прокатился по пыльной немощенной улице, выехал на площадь и остановился перед одноэтажной, крытой серым от старости тростником хибарой, над которой в полном безветрии безжизненно повис пестрый флаг с изображением АК-47. Здесь же, на площади, стояли два армейских грузовика с затянутыми линиялыми брезентовыми тентами кузовами, несколько джипов и старый, сильно побитый ржавчиной пикап с установленным на грузовой платформе счетверенным крупнокалиберным пулеметом. В жидкой тени деревьев стояли, сидели и даже лежали прямо на земле солдаты в пятнистом камуфляже. Поодаль дымила трубой, распространяя вокруг себя запах вареных бобов, полевая кухня. Вокруг нее отиралось с десятков худых разномастных дворняг, и чернокожий повар в напаянном поверх камуфляжа грязном белом фартуке время от времени замахивался на них черпаком на длинной деревянной ручке.

Выпрыгнув из машины и затоптав окурок, майор Аль-Фахди по шатким, выворачивающимся из-под ноги ступенькам поднялся на открытую террасу, небрежно кивнул стоящим у входа с автоматами наперевес часовым и вошел в резиденцию его превосходительства.

Роскошью резиденция не блистала, зато по сравнению с царящим снаружи зноем здесь было относительно прохладно. Из обстановки тут наличествовали старый просиженный диван, на котором его превосходительство иногда ночевал, придвинутый к окну для экономии электричества письменный стол с чересчур громоздким для небольшого помещения офисным креслом, несколько разнокалиберных стульев и облупленный несгораемый шкаф, установленный таким образом, чтобы хозяин мог не вставая дотянуться до его дверцы. На отдельном столике в углу стояла полевая армейская радиостанция, в которой знающий человек без труда узнал бы Р-111 советского производства, сошедшую со сборочного конвейера задолго до развала СССР. Головные телефоны с металлической дужкой и обтрепанными резиновыми наушниками висели на спинке стула. Над столом поблескивали засиженным мухами стеклом две фотографии в простых бамбуковых рамках. На одной из них был изображен покойный полковник Каддафи, на другой – его превосходительство президент М'бутунга в парадном мундире с орденами, которых успел-таки нахватать до того, как подался в путчисты.

Строго говоря, никаким «превосходительством» господин президент не являлся – так же, как майор Аль-Фахди не был майором. В разное время и в разных армиях араб ходил в разнообразнейших званиях, от капрала до генерала, хотя чаще всего обходился вообще без званий. Президенту М'бутунга было угодно называть свою банду регулярной армией, и Аль-Фахди согласился на чин майора по той простой причине, что сам господин президент, как и его расстрелянный собственным народом при активном содействии американцев кумир, был всего-навсего полковником. Правда, Гитлер в Первую мировую не поднялся выше ефрейтора, что не мешало ему распекать маршалов, но сравнения с бесноватым фюрером президент М'бутунга не выдерживал ни по каким параметрам, и подходить к нему следовало с иными мерками. До поры до времени Аль-Фахди ему подыгрывал, как взрослый подыгрывает малышу, который, накинув на плечи одеяло, объявил, что он – принц. Но теперь время игр кончилось, и майор прибыл к господину президенту именно затем, чтобы его об этом уведомить.

Его превосходительство сидел за столом под своим фотопортретом, заметно ему проигрывая. С тех пор, как была сделана фотография, он стал старше, поседел и осунулся. Под глазами набрякли тяжелые мешки, по левой щеке от виска до нижней челюсти протянулся уродливый, неправильно сросшийся рубец – след осколочного ранения, полученного в давней стычке с правительственными войсками. Как и все официальные лица в его самодельном государстве, его превосходительство носил военную форму. В вырезе камуфляжной куртки вид-

нелся шелковый шейный платок кремового цвета; португеза с тяжелой поцарапанной кобурой лежала на краю стола, и кончик ремня свисал вниз, как хвост дохлой змеи.

Продолжая игру, которая его не особенно напрягала, майор щелкнул каблуками и отчетливым движением приложил ладонь к козырьку кепи.

– Мой президент! – на французский манер с мрачной торжественностью обратился он к хозяину кабинета. – Я прошу вас отправить меня в отставку и, если сочтете необходимым, отдать под суд.

Не торопясь с ответом, его превосходительство вытряхнул из лежащей на столе пачки сигарету, сунул ее в морщинистые розовато-лиловые губы, прикурил от бензиновой зажигалки и только после этого, вместе со словами выталкивая изо рта и ноздрей табачный дым, ворчливо осведомился:

– В чем дело, майор?

– Случилось ужасное несчастье, – сообщил Аль-Фахди. – Один из прибывших сегодня иностранных специалистов, которого я по вашему приказу должен был доставить в район строительства железной дороги для первичного ознакомления с обстановкой, трагически погиб. Он неосторожно приблизился к водоему, намереваясь, как я понял, сделать несколько фотографий, и подвергся нападению крокодилов. Мои люди пытались его спасти, но этих тварей там оказалось просто невероятное количество, и оба солдата погибли.

С этими словами он положил на стол перед его превосходительством цифровой фотоаппарат. Хозяин кабинета включил камеру, со второй попытки перешел в режим просмотра снимков и некоторое время разглядывал их, оттопырив пухлую нижнюю губу. Майор терпеливо ждал, привычно подавляя зевоту, которая неизменно нападала на него, стоило только переступить порог этого, с позволения сказать, вместилища верховной власти.

– Да, это большое несчастье, – задумчиво подымив сигаретой, сказал наконец президент М'бутунга и отложил фотоаппарат. – Но вы напрасно вините себя, майор. Это Африка, а не европейский зоопарк, звери здесь живут без решеток, на воле, и сами добывают себе пропитание. Нашему другу просто следовало быть осторожнее. Уверен, вы предупреждали его об опасности, а он вас не послушал.

– Так и было, господин президент, – склонил голову в знак согласия араб. – Мне показалось, что он не вполне трезв.

– Или вполне нетрезв, – подсказал М'бутунга.

У него была круглая иссиня-черная физиономия, в чертах которой усматривалось разительное сходство с мордой пожилого орангутанга. В данный момент она не выражала ничего, кроме легкого огорчения в связи с полученным только что печальным известием; до того, как оттяпать у законного правительства почти половину территории страны и заделаться президентом, Пьер Мари М'бутунга был военным, но лицемерить умел не хуже самого прожженного политика.

– Возможно, вы правы, – сказал Аль-Фахди.

– Я в этом абсолютно уверен, – заявил его превосходительство. – Выпивка – не самый лучший советчик, особенно когда речь идет о русских. Вы знаете, я учился в России. Это превосходная страна, только очень холодная, и ее обитатели привыкли согреваться водкой. Так вот, в то время там был очень популярен анекдот, в котором некто без труда заставил пьяного русского туриста спрыгнуть с верхней смотровой площадки Эйфелевой башни, просто сказав ему: «Товарищ, туда нельзя».

– Дух противоречия, – с понимающим видом покивал головой араб. – Да, вы правы, мне показалось, что в этом бедняге он был по-настоящему силен.

Отдав таким образом должное попытке господина президента заговорить ему зубы, майор без дальнейших церемоний придвинул к столу один из свободных стульев и уселся,

непринужденно положив ногу на ногу. Небрежно бросив в уголок рта очередную сигару, он щелкнул зажигалкой и закурил, деликатно выдув дым в сторонку.

– Есть еще один вопрос, который мне хотелось бы с вами обсудить, – сказал он, изящным движением стряхивая пепел на земляной пол.

– Я немного занят, – мгновенно посуровел его превосходительство.

– Уж не государственными ли делами? – иронически предположил араб. – А может быть, пересчетом денег, которые, как вы уверяли меня буквально позавчера, должны были появиться одновременно с прибытием этих неверных?

– Должны были появиться и появились – это не совсем одно и то же, – сообщил М'бутунга.

– Увы, – горестно кивая головой, согласился араб. – Точно так же, смею заметить, как «денег нет» и «я их вам не дам». Знаете, мой президент, – не дав собеседнику возможности парировать этот выпад, продолжил он, – я никогда не понимал, что заставляет людей ради пригоршни паршивых долларов жертвовать не только честью и добрым именем, но даже собственной жизнью. У савана нет карманов; это известно всем и каждому, но люди все равно идут на верную смерть, потакая своей неумной жадности.

Обезьянья физиономия его превосходительства сложилась в гримасу, долженствующую, по всей видимости, означать изумление и с трудом сдерживаемый гнев.

– Мне почудилось или это была угроза? – надменно осведомился он, с силой ввинчивая в доньшко украденной где-то золотой пепельницы не выкуренную и до половины сигарету.

– Вполне возможно, – хладнокровно ответил араб. – И вам некого в этом винить, кроме себя самого. Не думаете же вы, что я и дальше стану рисковать собственной шкурой исключительно во имя идеалов верхнебурундийской демократии! Русские, на которых вы так любите ссылаться, говорят: уговор дороже денег.

– Мне понятно ваше нетерпение, но я не понимаю, на что вы рассчитываете, – подумав, заявил М'бутунга. – Убив меня, живым вы отсюда не выйдете.

– Сомневаюсь, – возразил Аль-Фахди. – Вы не хуже меня знаете, что ваша так называемая армия – просто банда головорезов, стая шакалов, которую не интересуется ничего, кроме легкой наживы. И я не знаю стаи, которая стала бы мстить за своего убитого вожака. Напротив, это зверье будет с упоением лизать пятки тому, у кого хватило смелости и умения перегрызть ему глотку. К тому же меня они хорошо знают и боятся, что в данном случае равносильно глубочайшему уважению.

– И что вам это даст? – спокойно спросил М'бутунга. – Не уверен, что вы мечтаете занять мое место на посту президента Верхней Бурунды, а денег с мертвеца вы все равно не получите.

Улыбнувшись, араб молча указал дымящимся кончиком тонкой сигары на несгораемый шкаф с торчащей из замочной скважины связкой ключей.

– Вы все-таки проверьте, – посоветовал он. – А вдруг деньги там уже появились? Или вы просто забыли, что они там лежат... Бывают же на свете мелкие недоразумения!

– Вроде того, что случилось сегодня с русским специалистом, – проворчал африканец.

– Я не имел в виду ничего столь трагичного и непоправимого, – заверил майор. – Я сейчас говорю о действительно мелких недоразумениях и ошибках, которые легко уладить и исправить. И еще легче забыть. Итак, мой президент?..

М'бутунга вдруг рассмеялся, озадаченно вертя головой с видом человека, вынужденного признать свое поражение, но не слишком этим огорченного. Выражение его круглой черной физиономии как бы говорило: ну, не вышло, и что с того; это же просто невинная шутка, да и как было не попробовать!

– Вас не переспоришь, – сказал он, – не говоря уже о том, чтобы перехитрить. Признайтесь, майор, где вас научили видеть сквозь стены?

Аль-Фахди промолчал, ответив на этот двусмысленный комплимент лишь очередной вежливой улыбкой, в которой было столько же человеческого тепла, сколько его содержится в загнутых кверху уголках крокодильей пасти. Младший сын шейха не видел ничего предосудительного в своей настойчивости: он был наемник, а наемники не воюют даром. Точно так же он не осуждал господина президента за прижимистость: ожидать чего-то иного от старого плута, который в жизни не заработал честным трудом даже ломаного гроша, было бы просто глупо.

Продолжая посмеиваться, его превосходительство вместе с креслом развернулся к сейфу, оттолкнувшись ногами от пола, подъехал к нему вплотную и, позвеневав ключами, распахнул дверцу. При этом он подвинул кресло еще ближе, загородив внутренность несгораемого шкафа своей широкой спиной и заставив араба снова улыбнуться, на сей раз уже откровенно пренебрежительно.

София и недовольно ворча себе под нос, господин президент принялся копаться в недрах сейфа. На спине между лопаток у него темнел широкий треугольник пота, на затылке среди курчавых седых волос поблескивала черная с лиловатым оттенком плешь. Раздавленная сигарета в золотой пепельнице слабо дымилась, снаружи сквозь застекленные в одну нитку низкие окна доносился гомон солдат; потом послышался визг собаки, получившей, по всей видимости, хорошего пинка, и одобрительный гогот публики. Посасывая сигару, Аль-Фахди на всякий случай отстегнул язычок кобуры. Клоунские ужимки старого орангутанга могли обмануть только того, кто видел его впервые в жизни. Майор же знал его как облупленного и предпочитал держать ухо востро.

Он слегка напрягся, положив ладонь на рукоятку пистолета, когда М'бутунга начал оборачиваться, но ничего особенного не произошло: господин президент просто выложил на стол обандероленную пачку двадцатидолларовых купюр. Араб поморщился: похоже, его превосходительство вознамерился рассчитаться с ним этой мелочью. Впрочем, какими еще купюрами может расплачиваться главарь шайки дикарей, для которых двадцать баксов – целое состояние? Дай любому из них сотню – что он станет с ней делать, где разменяет? Зная это, его превосходительство заранее позаботился о том, чтобы вся сумма была ему выдана в мелких купюрах – так было удобнее расплачиваться, да и вид сейфа, под завязку набитого тугими банковскими пачками, Наверное, будоражил его убогое воображение. В нем, как в любом африканце, было что-то от ребенка; с руками по локоть в крови он продолжал самозабвенно играть в детские игры, и арабу иногда казалось, что гражданская война и президентство для него тоже не более чем веселая забава.

За первой пачкой последовала вторая, за второй – третья. Господин президент доставал их по одной – брал из сейфа, оборачивался, выкладывал на стол, снова оборачивался, брал, выкладывал и так далее, – словно надеялся, что арабу это надоест и тот его остановит. Между негромким шлепком одной денежной пачки о поверхность стола и появлением следующей всякий раз была довольно продолжительная пауза, как будто его превосходительство пересчитывал в каждой из них деньги или, скорей уж, втихаря выдергивал из каждой парутройку бумажек. Поймав себя на этой мысли, Аль-Фахди тут же подумал, до чего, в сущности, несправедливо устроен мир. Пусть государство, которым правит этот черномазый жулик, не более чем фикция и населяют его невежественные дикари, но все-таки, как ни крути, это живые люди – творения всемогущего Аллаха. И кто во имя пророка ими правит, решает их судьбы, казнит и милует? Бесспорно, всякий народ имеет правителя, которого заслуживает. Но если это и впрямь так, то девяносто девять процентов населения планеты ничем не отличаются от упомянутых дикарей...

На стол легла пятая пачка, за ней шестая. М'бутунга укладывал их одну на другую, сооружая что-то вроде шаткого асимметричного небоскреба, спроектированного архитектором с сильными психическими отклонениями. От нечего делать Аль-Фахди выдернул из середины одну пачку, развалив все сооружение, ободрал бандероль и принялся пересчитывать деньги.

Купюры были новенькие, хрустящие, от них исходил запах свежей краски, и араб придирчиво рассмотрел одну из них на просвет: уж не фальшивая ли? Самостоятельно изготовить что-либо способное сойти за деньги хотя бы при беглом осмотре, у его превосходительства, конечно же, кишка тонка, но как знать, с кем он снюхался, какую еще комбинацию провернул?

– Не доверяете? – копясь в сейфе, с упреком произнес М'бутунга.

– Се ля ви, – продолжая считать деньги, без тени неловкости откликнулся Аль-Фахди.

– Правильно, – сказал его превосходительство. – Русские в таких случаях говорят: доверяй, но проверяй.

Он снова развернулся вместе с креслом лицом к арабу, и вместо очередной пачки двадцатидолларовых банкнот тот увидел у него в руке громоздкий серебристый «смит-вессон» с укороченным стволом.

Сказать, что майор Аль-Фахди умер, не успев понять, что происходит, было бы неверно. Понять-то он все понял и даже сумел с первого взгляда узнать в «смитти» популярную шестидесятую модель тридцать восьмого калибра – «специально для шефа», – но вот предпринять что-либо действительно не успел. Курносый полицейский револьвер оглушительно бахнул, изрыгнув пламя, и отброшенный силой удара араб опрокинулся на спину вместе со стулом. Выпавшая из мертвой руки тонкая сигара, дымясь, откатилась на середину комнаты, пороховой дым начал лениво расползаться во все стороны, стремясь заполнить собой весь объем помещения.

– Сука рваная, – на ломаном русском сказал убитому не забывший полученных в юности уроков президент М'бутунга.

Когда в кабинет, едва не затоптав друг друга в узком дверном проеме, ввалились потревоженные звуком выстрела часовые, его превосходительство, брэнча ключами, запирает несгораемый шкаф. На рабочем столе господина президента не было ничего, кроме письменного прибора, золотой пепельницы и портупеи с кобурой, в которой спокойно лежала его старая верная «беретта».

– Убрать это, – пряча в карман ключи, коротко распорядился М'бутунга, и солдаты, взяв труп за ноги, потащили его к выходу.

Дверь за ними закрылась. Его превосходительство закурил еще одну сигарету и неторопливо выкурил ее почти до фильтра, с отсутствующим видом наблюдая, как исчезает, впитываясь в земляной пол, лужица крови. Накурившись всласть и погасив в золотой пепельнице коротенький окурочок, господин президент выдвинул верхний ящик стола, порывшись в разрозненных бумагах и вынул спутниковый телефон: теперь, когда самые неотложные дела были успешно завершены, настало самое время переговорить со старым знакомым.

* * *

Снаружи в сгустившихся сумерках шел дождь – пожалуй, первый в этом году настоящий осенний дождь, неторопливый, холодный и занудный, как застарелый насморк. Где-то за низкими сырими тучами догорал невидимый отсюда закат; время было детское, самое начало девятого, но, если не смотреть на часы, ранний вечер было легко принять за глубокую ночь, настолько непроглядной была льнувшая к мокрым оконным стеклам тьма.

Окно в гостиной было огромное, во всю стену, от потолка до самого пола. Сейчас в нем не было видно ничего, кроме смутного, призрачного отражения комнаты да нескольких освещенных окон в соседнем коттедже. Случайно посмотрев туда, Виктор Лисовский вдруг поймал себя на том, что уже не может отвести взгляд. Тьма снаружи словно гипнотизировала его, не хотела отпускать; более того, она явно была не прочь выдавить тройное закаленное стекло и черной, как сырая нефть, волной беззвучно хлынуть в дом. Там, во тьме, наверняка водились жуткие, невообразимо чудовищные твари – настоящие монстры из голливудских фильмов

ужасов, – и при одной мысли о том, что они могут проникнуть сюда, в тепло и уют загородного особняка, Лисовского пробрала неприятная дрожь.

Он мысленно обозвал себя идиотом, но давно, казалось бы, пережитый и благополучно забытый страх темноты, вернувшись, уже не хотел уходить. Лисовский вдруг очень не ко времени вспомнил, как в возрасте не то одиннадцати, не то двенадцати лет прочел рассказ «Мумия», написанный, дай бог памяти, не то Гербертом Уэллсом, не то Артуром Конан-Дойлем. Там какой-то чокнутый египтолог привез из экспедиции мумию, оживил ее и не придумал ничего умнее, как натравливать получившееся чудище на своих научных оппонентов. Чушь, конечно, бред сивой кобылы, однако описание того, как стремительная, фантастически ловкая и проворная, обмотанная истлевшими бинтами тварь ненастными ночами преследовала свои жертвы среди погруженных во мрак каменных стен и живых изгородей, произвело на Витьку Лисовского неизгладимое впечатление. И еще очень долго после этого он не мог пройти по темному двору или спуститься в подвал (вернее, подняться оттуда, повернувшись спиной к темноте) без ощущения, что позади, с каждым мгновением сокращая дистанцию, стремительно и беззвучно крадется по его следу воплощенный ужас.

Осознав, что уже запугал себя до полусмерти и скоро запугает до полновесного инфаркта, Виктор Лисовский твердым шагом проследовал в прихожую, открыл дверцу замаскированного дубовой панелью распределительного щитка и одним поворотом рубильника включил наружное освещение.

– Смешно и глупо, – сказал он вслух.

Это действительно было донельзя глупо и смешно. В этом году ему исполнилось тридцать восемь лет; он был взрослый, самостоятельный мужчина с ответственной должностью и солидным заработком, и людей, которые могли запросто обратиться к нему по имени, насчитывалось в десятки, а то и в сотни раз меньше, чем тех, кто почтительно называл его Виктором Яковлевичем. Он был знающий специалист, ценный работник – настолько ценный, что фирма, в которой он работал, взяла на себя расходы по выплате кредита за дом, в котором он обитал. Еще он был эгоист, мерзавец и подонок – так, по крайней мере, утверждала ушедшая от него полгода назад жена. Лисовский считал это утверждение спорным, но в данном случае мнение бывшей супруги ничего не меняло – скорее уж, наоборот: успешному топ-менеджеру, взрослому дяде со спортивной фигурой, солидным банковским счетом и разрядом по боксу, а по совместительству мерзавцу и подонку не пристало по-детски бояться темноты.

Вернувшись в гостиную, он посмотрел в окно, чтобы оценить результат своего демарша с распределительным щитком. Отражение комнаты в мокром стекле стало прозрачным, едва заметным; если бы не оно, можно было решить, что стекла нет совсем. Пол находился почти вровень со стриженной травой газона, так что двор выглядел продолжением гостиной. В свете установленных вдоль дорожек фонарей на невысоких, по колено, металлических ножках мокро поблескивали темной хвоей вечнозеленые живые изгороди. Крыша беседки блестела, как лакированная, мелкие лужи на дорожках отражали свет фонарей, и уже начавшая жухнуть, но все еще ярко-зеленая трава тоже блестела, как новенькая театральная декорация, на которой еще не просохла краска. В неживом свете люминесцентных ламп все вокруг казалось искусственным, ненастоящим – правда, изготовленным на совесть, по новейшим технологиям и в соответствии с самыми высокими мировыми стандартами.

И при этом все равно что-то было не так. Лисовский поймал себя на том, что пристально всматривается в знакомый до последней травинки вид, словно ожидая, что через освещенное пространство вот-вот метнется стремительная, хищно сгорбленная тень, и сплунул – разумеется, всухую, но с большим чувством.

– Нервишки! – громко объявил он и, повернувшись к окну спиной, повалился в кресло перед большой, в полстены, плазменной панелью.

В этом диагнозе, поставленном с уверенностью человека, ничего не смыслящего в медицине, содержалась изрядная доля правды: нервишки у Виктора Яковлевича Лисовского в последнее время действительно стали ни к черту. За все в этой жизни приходится платить, в том числе и за банковский счет, и за обращение по имени-отчеству, и за красивый дом, в котором – о, счастье! – с некоторых пор нет этой обесцвеченной перекисью, анемичной пиявки, так называемой законной супруги. Тьфу-тьфу-тьфу, не к ночи будь помянута!

Простой работяга платит за то небольшое, что имеет, физическим здоровьем – угробленными суставами, забитыми грязью легкими, надорванными мышцами и сухожилиями. И, что бы там ни думал этот гипотетический пролетарий, тот, кто работает головой, тоже надрывается. Да еще как! Только надрывает он не пупок, а головной мозг и центральную нервную систему. Виктор Лисовский в последнее время чувствовал себя вот именно надорвавшимся, и ничего удивительного тут не было. Работа у него нервная, ответственная, а тут еще эта дура – ну, в смысле жена. Ушла она в середине весны, и все лето, весь, пропади он пропадом, долгожданный отпуск пошел драной козе под хвост, съеденный бесконечной грызней за имущество, закончившейся, как и следовало ожидать, в пользу Виктора Яковлевича. Иначе и быть не могло, и он это отлично знал с самого начала; более того, жена это тоже знала – ха, где ж не знать, если собственноручно поставила подпись под брачным контрактом, – но нервы ему эта глупая история потрепала основательно, и он все чаще задумывался о том, чтобы упасть в ноги начальству, выпросить пару неделек за свой счет и махнуть куда глаза глядят – подальше от московской осени, поближе к теплому морю, белому песочку, пальмам и загорелым девушкам в микроскопических бикини.

Нащупав на столике справа от себя пульт, он включил телевизор.

– ...вительственные войска перешли в решительное наступление, тесня силы повстанцев, – с серьезностью, которая всегда казалась Лисовскому довольно-таки комичной, сообщила появившаяся на экране сексапильная брюнетка. – За двое прошедших с момента возобновления военных действий суток территория самопровозглашенной республики Верхняя Бурунда уменьшилась в полтора раза. По непроверенным данным, войска законного правительства применяют против мятежников тяжелую бронетехнику и боевые вертолеты...

Видеоряд, который иллюстрировал бы это сообщение, на экране отсутствовал – видимо, даже в Си-эн-эн не нашлось журналиста, настолько отчаянного, чтобы с камерой наперевес нырнуть в гущу заварившейся на малоизученных просторах Черного континента кровавой кутерьмы. Кроме того, неприятности, свалившиеся на плешивую голову самозваного президента состряпанной на колене республики, вряд ли могли всерьез взволновать мировую общественность – как говорится, за что боролся, на то и напоролся.

Зато Виктора Яковлевича Лисовского новости из далекой Африки взволновали не на шутку.

По телевизору начался новый сюжет. Лисовский нажатием кнопки погасил экран и с силой потер ладонью высокий, плавно переходящий в раннюю лысину лоб.

– Спасибо, милая, просветила, – сказал он дикторше. – То-то я смотрю, что мне третий день упыри по углам мерещатся! Вот тебе и Бурунда... Говорила мне мама: не связывайся с плохой компанией, дурные люди до добра не доведут! Ай-яй-яй, что ж теперь делать-то, православные?

Рывком высвободившись из мягких объятий кресла, он подошел к бару и достал оттуда бутылку виски, но пить не стал – передумал. Одолевавшая его в последние несколько дней тяга к перемене мест многократно усилилась, а вот желание ставить руководство в известность о своих планах, напротив, как рукой сняло.

Стоя у бара с квадратной бутылкой в руке, он неожиданно для себя осознал, что переживает полный крах. Где-то там, за далеким горизонтом, огромные толпы негров обстреливали друг друга управляемыми ракетными снарядами, палили из стрелкового оружия и гибли

под гусеницами списанных советских танков. Виктора Яковлевича Лисовского катастрофическая убыль коренного населения Центральной Африки волновала в самую последнюю очередь: десять трупов – это трагедия, а десять тысяч – просто статистика. Для него лично эти драматические события означали конец карьеры, конец налаженной жизни – строго говоря, конец всему. Новый этап его биографии начинался с нуля, и притом совершенно неожиданно – настолько, что он пока что не ощущал ни страха, ни отчаяния, как человек не ощущает боли в самые первые секунды после того, как ему оторвало конечность.

Он все еще раздумывал, не выпить ли ему все-таки для успокоения нервов, но решение – рвать когти, пока не спохватились и не перекрыли все лазейки, – уже созрело. Человеком он был предусмотрительным, и претворению этого разумного решения в жизнь ничто не мешало – вот именно, пока. Загранпаспорт с мультивизой лежал в ящике письменного стола, на номерном счете в офшоре хранилась сумма, достаточная как для открытия нового дела в любой точке мира, так и для скромного, но безбедного праздного существования на протяжении долгих десятилетий. Словом, все было в порядке, вот только...

Он вздрогнул, как от выстрела, услышав телефонный звонок, в тишине пустого дома прозвучавший как гром с ясного неба. Подавив продиктованное нахлынувшей паникой желание бежать сломя голову куда глаза глядят, Виктор Яковлевич снял трубку.

– Лисовский? – прозвучал в наушнике знакомый глуховатый голос. – Новости слышал?

– Да, – сглотнув, ответил он.

– И что думаешь?

– Думаю, что вы вравили меня в поганую историю, – набравшись смелости, сказал Виктор Яковлевич.

– Не надо валить с больной головы на здоровую, – возразил собеседник. – Если бы кое-кто поменьше заглядывался на не достигших половой зрелости мальчиков, ничего бы не было – ни развода, ни этой поганой истории...

Лисовский издал протестующий звук – то ли кашель, то ли писк, то ли мычание.

– Что ты блеешь? – пренебрежительно произнес голос в телефонной трубке. – Не бойся, эта линия не прослушивается. Так что возьми себя в руки и скажи для разнообразия что-нибудь конструктивное.

– Конструктивное? Да что тут скажешь? Надо рвать когти – я лично иного выхода не вижу.

– А его и не существует, – успокоил его собеседник. – Так что ты все правильно придумал. Действуй, дружок.

– А...

– А я со своей стороны обещаю забыть о твоём существовании. Все компрометирующие тебя материалы, включая фотографии и видеозаписи, уже уничтожены. Ты абсолютно свободен. Как говорится, сделал дело – гуляй смело. Мы с тобой теперь связаны одной веревочкой, так что дальше держать тебя на крючке мне не резон. Уезжай – желательно далеко и надолго...

– В Верхнюю Бурунду, – горько пошутил Лисовский.

– Я бы не советовал, – серьезно ответил собеседник. – Это, брат, не надолго, это – навсегда... А впрочем, как хочешь. С вами, извращенцами, всегда так: нипочем не угадаешь, что вам придется по вкусу. А вот чего я действительно не советую, так это тянуть время или, упаси бог, пытаться извлечь выгоду из информации, которой ты владеешь. Просто собирай чемодан, и чтобы через час-другой духу твоего не было в Москве. А лучше – в России. И – молчок.

– Даже диссидентам при Советах давали больше времени на сборы, – движимый духом противоречия, сказал Виктор Яковлевич.

– А ты не диссидент, ты – вор, педераст и педофил, – хладнокровно поправил голос в трубке. – Впрочем, как знаешь. Только имей в виду, что совет директоров уже инициировал расследование – пока служебное и негласное, но это, надо полагать, ненадолго. Копнут раз-

другой, и готово: было служебное, а стало уголовное... Да что я тебе рассказываю, ты же в этих вещах лучше меня разбираешься!

– Спасибо на добром слове, – проворчал Лисовский.

– Ты мне еще поиронизируй, умник, – хмыкнул голос. – Короче, я повторять не буду. Мы с тобой расходимся бортами, как в море корабли, – ты в одну сторону, я в другую. Последний добрый совет я тебе дал, дальше живи как знаешь. А если что, пеняй на себя.

В наушнике зачастили короткие гудки отбоя. Лисовский рассеянно повесил его на специальный крючок и снова с силой потер лоб. Телефонный аппарат у него в гостиной был антикварный – не сработанный под старину предприимчивыми китайцами, а действительно старинный: с корпусом из красного дерева, с микрофоном на подставке и наушником на гибком шнуре, с рукояткой сбоку, которую надо было вертеть, чтобы вызвать оператора – или, как было принято говорить в старину, «барышню», – и с позднейшим усовершенствованием в виде жестяного диска с цифрами. В данный момент Виктор Яковлевич испытывал острейшее, почти непреодолимое желание взять этот раритет и со всего маху запустить им в окно или, скажем, в телевизор. Да, вот именно в телевизор, чтобы по древнему обычаю восточных тиранов прикончить гонца, принесшего дурную весть. Вернее, сразу двух таких гонцов: взять одного за ноги и прихлопнуть им другого, да так, чтоб из обоих дух вон...

– Сволочь, – с ненавистью произнес Лисовский, адресуясь к человеку, который ему только что звонил. Сказать нечто подобное этому типу в глаза Виктор Яковлевич никогда бы не отважился – знал, что терять нечего, но все равно робел. – Козел вонючий, сапог кирзовый, паскуда... Упырь, как есть упырь!

Впрочем, что ни говори, как к нему ни относиться, а недавний собеседник Виктора Лисовского был прав во многом – пожалуй, даже во всем, исключая его начальственный, хамский тон. Да и в этом спорить с ним было трудно: прав тот, у кого больше прав. И в частности, он был прав на все сто процентов, говоря, что Виктору Яковлевичу пора заняться чем-то более конструктивным, чем бессмысленное сотрясение воздуха.

Без необходимости посмотрев на часы, Виктор Яковлевич снова вооружился наушником, придвинул поближе к себе подставку с микрофоном и стал звонить в аэропорт. Вертя архаичный жестяной диск, он вдруг подумал, что звонит по этому телефону в последний раз – так же, как несколько минут назад в последний раз смотрел купленный совсем недавно плазменный телевизор. Вот этот телефон он приобрел за абсолютно неприличную сумму в дорогом антикварном магазине; за проект интерьера гостиной модный дизайнер содрал с него семь шкур, да и вообще, в этом доме нет ничего, с чем было бы не жаль расстаться. А расстаться придется, потому что свобода, не говоря уже о жизни, дороже любого барахла...

Дозвонившись, он заказал билет на ближайший рейс до Бангкока, после чего, бросив прощальный взгляд на драгоценный телефонный аппарат, быстрым шагом направился в спальню, чтобы собрать самые необходимые в дороге вещи.

Глава 4

Девушка была вполне ничего себе – аппетитная, стройная, с симпатичной мордашкой и живыми карими глазами, а главное, остроумная, что косвенно свидетельствовало о наличии внутри ее миловидной головки энного количества серого вещества, достаточного для поддержания разговора на темы, более общие и отвлеченные, чем обсуждение последнего альбома группы «Корни». Придя к такому выводу, Юрий копнул чуточку глубже и практически сразу наткнулся на настоящий клад: на третьей минуте разговора выяснилось, что его случайная знакомая учится на философском факультете МГУ, да еще и на втором, понимаете ли, курсе – том самом, с которого в незапамятные времена студент Якушев сбежал в армию. Сделал он это как раз вовремя, чтобы пройти курс молодого бойца и успеть поучаствовать в достопамятном и не сказать чтобы славном новогоднем штурме Грозного.

Порой человеческую судьбу раз и навсегда решает сущий пустяк – невзначай оброненное слово, случайный косой взгляд, увиденный в телевизионном выпуске новостей репортаж из горячей точки или, к примеру, неразделенная юношеская любовь – этот вечный, неиссякаемый источник безумств, сплошь и рядом имеющих необратимые, роковые последствия.

Хватив еще одну стопку текилы, Юрий развил эту мысль. В клубе было чертовски шумно, и, чтобы слышать друг друга, приходилось орать во всю глотку. Опасаясь надорвать голосовые связки, так и не донеся до собеседницы всю глубину посетившей его мысли, Юрий подался к ней, ощутив мягкое прикосновение ее волос и дразнящий аромат духов. Движение получилось излишне резким, размашистым, и, чтобы не сверзиться с высокого одноногого табурета у барной стойки, Якушев схватился за первое, что подвернулось под руку. Под руку ему подвернулось обтянутое шелковистым на ощупь нейлоном стройное колено второкурсницы философского факультета МГУ; второкурсница не возражала – она вся была во внимании, и Юрий, дружески сжимая ее колено (да чего уж там – пожалуй, что уже не колено, а бедро), продолжил разговор о том, насколько неисповедимы бывают порой пути, коими ведет человека судьба.

Второкурсницу звали Таней. Затронутая Юрием тема, как выяснилось, очень ее интересовала, да и вообще, судя по всему, она была той самой девушкой, которую он искал всю свою жизнь. Таня приняла это известие вполне благосклонно; она была просто чудо, за что и надлежало как можно скорее выпить. Музыка, и до того не камерная, вдруг стала совсем уже оглушительной.

– Надо валить из этого гадючника, – сказал Юрий.

А Таня, смеясь, ответила:

– Надо так надо, чего же мы ждем?

С этими словами она вынула из сумочки и надела очки в тонюсенькой черной оправе, сразу сделавшись на два порядка умнее и на целых три привлекательнее.

– Вот это да, – сказал Юрий.

– Ничего особенного, обычная близорукость, – ответила Таня.

– Понимаю, – сказал Юрий, – приходится много читать. А что, нынешние студиясы до сих пор вынуждены перелопачивать тонны печатных изданий или тысячелетнюю мудрость человечества уже целиком перетерли на цифру?

– Кому что нравится, – ответила Таня. – Главное, что на зрение и книги, и компьютер влияют, в общем-то, одинаково.

– Ну, не скажи, – начал Якушев, но тут у Тани зазвонил мобильник, и она, сделав извиняющийся жест, взяла трубку.

Пока она разговаривала, Юрий тяпнул еще полтинничек – на этот раз уже не текилы, а для разнообразия простой русской водки – и закурил. Поднося ему зажигалку, бармен смотрел как-то странно – не то с сочувствием, не то с насмешкой, – и на протяжении долгих четы-

рех секунд Юрий раздумывал, не начистить ли ему физиономию – чуть-чуть, без фанатизма, исключительно в воспитательно-профилактических целях, чтобы кто-нибудь другой, не столь сдержанный, рассудительный и толерантный, не оторвал дураку башку за такие взгляды.

Потом Таня, о которой он, грешным делом, уже почти забыл, тронула его за рукав и, наклонившись к самому уху, прокричала, что должна срочно ехать домой – что-то у нее там стряслось с любимой бабушкой: то ли сердце забарахлило у старушки, то ли, наоборот, разыграл радикулит.

– Я провожу, – выпятив грудь, вскинулся Якушев.

– Ни-ни, ни в коем случае, – решительно возразила Таня. – Такси уже у входа, доберусь в лучшем виде, а тебе там делать нечего: у бабули характер, она Сталина помнит, и не просто помнит – боготворит. У нее характер, у тебя язык, начатки философского образования и литр спиртного в желудке; вы обязательно сцепитесь, и получится, что вместо неотложной медицинской помощи я буквально за руку привела к любимой бабуле обширный инфаркт. Вот тебе мой телефон, позвони как-нибудь – договорим, с тобой интересно...

Потом Юрий стоял на улице, под фонарем, курил сигарету и думал, что свалил большого дурака, уйдя из клуба. Ну Таня, ну философский факультет; ну бабушка – с кем не бывает? Бабушка – это даже хорошо. Традиции, семейные рецепты, женские секреты – как оно все было на заре прошлого века... Связь поколений, так сказать. Бабушку надо беречь, но при чем тут он? Бабушка-то не его! Не получилось с Таней – получилось бы с Валею или какой-нибудь Анжеликой...

С низкого, мутного, изжелта-серо-фиолетового неба, сверкая в конусе отбрасываемого фонарем света серебристыми блестками, сыпался мелкий осенний дождик. Волосы у Юрия намокли, холодная вода тонкими извилистыми струйками текла за воротник, щекоча разгоряченную кожу, и он как-то вдруг понял, что в клуб ему возвращаться незачем, да и не больно-то хотелось. Из всего, что помнилось об этом вечере и общении с Таней, следовало, что нагрузился он сегодня сверх своей обычной меры; из осознания этого бесспорного факта, в свою очередь, следовало, что он уже протрезвел – по крайней мере, отчасти – и что убивать остаток ночи на то, чтобы опьянеть снова, мягко говоря, нецелесообразно. Рассудок вернулся, включилась логика, и Якушев понял, что пора домой.

Проверив, остались ли в бумажнике хоть какие-то деньги, он махнул рукой таксисту, который выжидательно поглядывал на него из окна припаркованной у входа в клуб машины, выбросил в лужу окурков и погрузился в салон лихо, со столичным шиком подкатившей иномарки.

– Почему один, уважаемый? – спросил, едва тронувшись с места, сидевший за рулем смуглый усач.

– У нее бабушка заболела, – ответил Юрий.

– Вай, не повезло! Эти бабушки, слушай... Где они, там никакого секса! Моя в прошлом году умерла, пусть земля ей будет пухом. Не поверишь: мне сорок, ей сто четыре, а она мне каждый вечер звонит: Ашотик, ты зубы почистил? Ара, почему нет? Уже десять часов, слушай! Сейчас почисти и в кровать! Хорошая была женщина, – добавил он, подумав.

– Верю, – сказал Якушев и, откинувшись на спинку сиденья, притворился спящим.

По дороге он и впрямь задремал и, когда таксист его разбудил, не сразу понял, где находится. Потом в глаза бросилась знакомая с детства полукруглая арка старого дома на Кутузовском и сделанная с помощью аэрозольного баллончика надпись на двери трансформаторной будки: «Юра – лох». Оставалось только надеяться, что автор надписи имел в виду какого-то другого Юру. Поймав себя на этой привычной, домашней мысли, Якушев окончательно проснулся, извинился перед таксистом, расплатился с ним и вылез из машины под дождь, который, как выяснилось, даже и не думал прекращаться.

Ковыряясь ключом в замочной скважине, он насвистывал сложный жалобный мотивчик, подслушанный когда-то в горах Кавказа. Рука слушалась плохо, глаза так и норовили разъехаться в разные стороны, а ноги – подогнуться, но в целом настроение у него было ровное, спокойное – в самый раз почистить зубы и лечь спать, как советовала покойная бабушка разговорчивого таксиста.

Войдя в прихожую, он перестал насвистывать. Хмель волшебным образом улетучился, ноги пружинисто согнулись в коленях, плечи опустились, а руки, наоборот, приподнялись на уровень груди – тело само, не дожидаясь команды, приняло боевую стойку, потому что в квартире отчетливо и сильно пахло кофе, а из гостиной в прихожую пробивался слабый, приглушенный электрический свет. Юрий сделал беззвучный скользкий шаг вправо, чтобы не маячить на фоне освещенного дверного проема, поддев левой пяткой и потянув на себя, захлопнул дверь и сразу же, выбросив в сторону правую руку, нащупал на вешалке старую куртку, во внутреннем кармане которой на всякий пожарный случай всегда лежал заряженный пистолет.

Пистолета на месте не было.

– Давай-ка без нервов, – послышался из гостиной глубокий, прямо-таки оперный, хорошо знакомый Юрию бас. – Между прочим, за такое хранение оружия тебя следовало бы разжаловать, отдать под суд и загнать, куда Макар телят не гонял, годков эдак на десять.

– Сядем все, – скидывая туфли, устало процитировал героя культовой комедии Юрий. – Проникновение со взломом или как там это трактуется в Уголовном кодексе... Ай-ай-ай, а еще генерал!

Разувшись, он прошел в гостиную. Здесь горел торшер, в свете которого презентабельно и заманчиво поблескивали расставленные на журнальном столике фарфоровые чашки, блюдца и кофейник из нержавеющей стали, который при некотором напряжении фантазии можно было счесть серебряным. Помимо этих причиндалов, под торшером поблескивал еще один предмет, а именно голая, как колено первоклассницы, глянцевиная, изуродованная страшным, бугристым многоконечным шрамом плешь. Ниже плечи располагались темные солнцезащитные очки, которые тоже обладали светоотражающими свойствами и, как следствие, тоже поблескивали. Еще ниже, грозя развалить сработавшее по старинке, на совесть, кресло, помещалось плотное, не толстое, но неправдоподобно широкое, почти кубическое, налитое нечеловеческой силой, упакованное в недорогой серый костюм тело его превосходительства.

– Здра'зла, – вяло поздоровался Якушев и повалился в свободное кресло. – О, кофеек!

– Угощайся, сынок, – разрешил генерал Алексеев.

– С удовольствием, – сказал Юрий. – Обожаю, когда меня угощают в моем доме моим же кофе!

– Экий ты, брат, мелочный, – нейтральным тоном заметил генерал.

Якушев неопределенно хмыкнул и взялся за ручку кофейника. Кофейник был горячий – не теплый и даже не очень теплый, а вот именно горячий – что называется, с пылу с жару. «Совпадение, случайность», – подумал Юрий и едва сдержал нервный смешок, поскольку совпадение, случайность и генерал ФСБ Алексеев сочетались так же плохо, как селедка, парное молоко и ананасный джем.

– Сколько лет, сколько зим, – нараспев продекламировал Якушев и шумно отхлебнул из чашки. – Чему обязан, господин товарищ генерал?

– Что ты, ей-богу, как маленький, – с оттенком раздражения и досады пробасил Алексеев. – Что за обиды? Я сто раз говорил, что тебе с твоим... э... творческим подходом к работе в строю не место. Ты прирожденный оперативник в самом широком, прямом и изначальном смысле этого слова. Ты же по природе своей одиночка, а тебе подавай погоны, берцы и строгую субординацию! В солдатики не наигрался?

– А играть в специалиста по тайным ликвидациям я даже начинать не хочу, – сообщил Юрий и снова с шумом хлебнул кофе. – Зачем мне такая жизнь? Вот, взять для примера хотя бы и сегодняшний вечер...

– Лучше не надо, – наливая себе кофе, посоветовал генерал.

– Почему же нет? Ну выпил...

– Это заметно.

– А я и не прячусь, потому что не от кого! Отстранен от несения службы – слышали?

– Не без того.

– Ну вот видите...

– Ты еще поплачь. А генералов по мордасам хлестать – это тебе семечки?

– Да пусть сажают! – сказал Юрий. – От этого ведь ничего не изменится: как был он дубиной, так дубиной и останется. Тот осел, что меня подстрелил и едва одним махом не отправил к праотцам девять живых душ, действовал по его приказу. Господину генералу, судя по всему, было обидно, что операция заканчивается без единого выстрела с нашей стороны, вот он и подсуетился... Что ему за это – в ножки поклониться?

– Нормальный строевой офицер поклонился бы, – заметил генерал Алексеев. – Причем с удовольствием. С подобающим, я бы сказал, пиететом.

– Офицер или холуй?

Генерал вздохнул и пригубил кофе.

– Могу только повторить, – сказал он, – что строевая служба – не твоя стезя. Ты худо-бедно укладывался в рамки, пока ходил в сержантах, а майорские погоны для тебя – непосильный груз. Сам ты в том, чтоб тебе в ножки кланялись, не нуждаешься – прямо скажем, невелика честь, – а перед баранами, у которых на погонах звезды крупнее, чем у тебя, спину гнуть тоже не хочешь – гордый. И что дальше: охранником в супермаркет?

– Идея, – сказал Якушев. – Как это я сам не сообразил? Ведь лафа же! Отработал смену и свободен. Нет, вы сами подумайте! Вот был бы я, как вы предлагаете, киллером...

– Да не киллером! Терпеть не могу это слово!

– Так дело ведь не в слове, а в сути...

– А суть – полевой агент с широкими полномочиями.

– Ну, предположим. Идет, стало быть, полевой агент с широкими полномочиями в клуб, встречает там девушку – мало того что красавицу, так еще и родственную душу, студентку родного факультета... И что в итоге? У красавицы внезапно заболевает любимая бабушка, полевой агент в расстроенных чувствах возвращается домой и застает там постороннего гражданина...

– Так уж и постороннего, – вставил генерал.

– А откуда ему, полевому агенту с широкими полномочиями, знать? Свет тусклый, в кресле сидит какой-то хрен... простите, человек и нагло сосет его, полевого агента, кофе. А он же не кто попало, он – агент! С широкими, как вы помните, полномочиями. То есть ствол у него не в сейфе и даже не в куртке, что в прихожей на вешалке висит, а при себе. Вынимает он этот ствол и, не задавая вопросов, – шарах! За не сложившуюся личную жизнь. С досады, в общем. Следующий кадр – траурная процессия, палисандровый гроб и ордена на бархатной подушечке...

– На палисандровый я не заработал, – признался генерал.

– Сочувствую.

– А родственная душа – это кто? Темненькая такая, смазливенькая, с точеной фигуркой? Обычно называется Таней, а в кульминационный момент, когда клиент уже, считай, созрел, вдруг берет и надевает очки... Две трети мужиков от этого буквально с ума сходят...

– Че-го-о?!

– Чего слышал. Эту клофелинщицу весь Центральный административный округ в лицо знает. Я, когда к тебе шел, обратил внимание на трансформаторную будку. Не помнишь, что там на двери написано?

Изогнувшись в кресле, Юрий достал из заднего кармана джинсов расплюснутую в блин пачку, выковырял оттуда сморщенную кривую сигарету и прикурил от одноразовой зажигалки. Ему вдруг вспомнилось, как он закуривал там, в клубе, – грохочущая музыка, чередование ослепительного света и тьмы, услужливо поднесенная барменом зажигалка и его взгляд – полунасмешливый, полусочувственный...

Юрий несколько раз подряд глубоко затянулся горьким дымом. Времени, чтобы подумать, хватило.

– Здравствуйте, бабушка, – сказал он. – Как самочувствие?

– Спасибо, немного полегчало, – хладнокровно ответил генерал Алексеев. – А ты, внучок, впредь будь хоть чуточку осторожнее. В твоём возрасте уже пора научиться отличать порядочных женщин от... гм...

Непечатный эпитет господин генерал проглотил, из чего следовало, что настроение у него нормальное и никакого форсмажора в его жизни на данный момент не наблюдается. «И то хлеб», – подумал Юрий, чередуя затяжки с глотками. Протрезвел он уже давным-давно, но демонстрировать это пока не торопился.

– Значит, вы меня пасли, – сказал он. – А зачем, если не секрет?

– Хочешь честно? – проникновенно произнес генерал. – Я пока и сам толком не знаю.

Якушев демонстративно зевнул и посмотрел на часы.

– Ух ты, уже два! – ужаснулся он. – Метро давно закрылось... Как же вы домой-то доберетесь, Ростислав Гаврилович?

– Не паясничай, – строго одернул его Алексеев. – Если мне не по чину палисандровый гроб, это не значит, что я не могу позволить себе поездку на такси. И вообще... Вообще, сынок, ты сильно-то не ершишься. Я действительно пока не могу сказать тебе ничего определенного, это все скорее из области предчувствий... Но что-то мне подсказывает, что у нас вот-вот образуется дело как раз по твоему профилю.

– То есть?..

– Это трудно объяснить, н-но... Ну, ты же помнишь этого своего террориста, из-за которого у тебя вышла... гм... размолвка с Копытиным?

– Как не помнить!

– Его фамилия Орешин. Орешин Станислав Степанович. По образованию геолог, последние три года работал в представительстве независимой коммерческой экспертной компании, занятой в основном оценкой запасов полезных ископаемых в различных месторождениях по всему шару...

– И?..

– Да не знаю я! – раздраженно пробасил Ростислав Гаврилович. – Не знаю, но чувствую тут какую-то подлянку. Понимаешь, видимых причин для того фортеля, что он выкинул, у него не было. Хорошая работа, приличный даже по московским меркам доход, чудесная семья – мудрая да вдобавок еще и красивая жена, две любимые дочки, великолепные характеристики, безупречная медицинская карта – хоть ты в космос его посылай. А вместо космоса он оказался – сам знаешь где... В ходе вскрытия в его крови обнаружили лошадиную дозу некоего психотропного препарата, каковой факт, по-моему, многое объясняет.

– Да, – подумав, согласился Юрий. – Водкой от него не пахло, а трезвый, психически нормальный человек такие требования выдвигать не станет. Президента ему подавай! Да еще и с премьером. Да. Ну, и что, собственно?..

– Не знаю, – в третий раз повторил Алексеев. – Но чувствую что-то такое... по нашей части.

– Вот, – сказал Якушев. – А вы говорите: зачем, мол, генерала по морде? Да его убить мало! Если б ему не так сильно хотелось скомандовать «Огонь!», я бы благополучно взял этого клоуна с гранатой живьем, он бы со временем очухался и рассказал бы, кто и почему напичкал его отравой, сунул в руки наган и лимонку и отправил умирать на глазах у пораженной публики...

– Я все время поражаюсь, какой ты чертовски умный, – сказал Ростислав Гаврилович. – Одного не пойму: почему при таком уме ты до сих пор не генерал?

– Тьфу, – непочтительно отреагировал Якушев. – Делать-то мне что?

– Ждать и быть наготове.

– А трибунал?

– Трибу... что? Я тебя умоляю! Усвой наконец, что статус полевого агента с широкими полномочиями дает не только полномочия, но и... ну, в общем, некоторые льготы.

– Правда? Пистолетик, пожалуйста, верните!

Ростислав Гаврилович молча протянул ему пистолет рукояткой вперед. Якушев залпом допил кофе, сунул зашипевший окурочок в остатки гущи на дне, принял пистолет, пропеллером закрутил его на продетом под предохранительную скобу указательном пальце, отчетливым движением остановил вращение, дунул в ствол, засунул пистолет под мышку и с достоинством представился:

– Бонд. Джеймс Бонд.

– Тьфу, – в свою очередь сказал его превосходительство.

* * *

В салоне полицейского «БМВ» было накурено, как в театральном сортире во время антракта. Снаружи стыл сырой, дождливый октябрьский вечер, по стеклам лениво ползли, дробя свет фар пролетающих мимо автомобилей, струйки воды. Стекла все время норовили запотеть, и, чтобы не тратить казенный бензин на обдув и обогрев, окна приходилось держать приоткрытыми. Это способствовало частичному удалению из салона табачного дыма, но, увы, не добавляло комфорта: в щели тянуло знобкой, пробирающей до костей сыростью, и самодельные ковровые чехлы сидений на ощупь казались влажными.

Стараясь не коситься на уставленный ему в переносицу, как пистолетный ствол, любопытный глаз видеорегистратора, капитан Меркулов закончил заполнять протокол, вручил нарушителю квитанцию и отпустил его с миром. Они расстались недовольные друг другом: будь их воля, они уладили бы дело иначе, без писанины, очередей в сберкассе и прочей волокиты – вот именно миром, к обоюдной выгоде. Но видеорегистратор бдительно стоял на страже государственных интересов, и это не могло оставить капитана Меркулова равнодушным: было очень неприятно сознавать, что деньги, которые он привык считать своей законной добычей, теперь присвоит кто-то другой, у кого их и так куры не клюют.

Наличие в салоне электронного стукача казалось тем более обидным, что дежурили они сегодня в довольно-таки хлебном местечке, на двенадцатом километре загородного шоссе, ведущего в аэропорт. Сине-белый «БМВ» затаился под прикрытием полуоблетевших кустиков на обочине второстепенной дороги, и вооруженный ручным радаром напарник Меркулова прапорщик Дыгайло исправно, с периодичностью в десять – пятнадцать минут доставлял сюда отловленных на трассе лихачей, которых тут было хоть отбавляй.

Отпущенный капитаном нарушитель скоростного режима, направляясь к своей машине, мимоходом сказал что-то топтавшемуся поодаль с радаром в руке прапорщику. Дыгайло набылчился – видимо, нарушитель прошелся насчет видеорегистратора, наступив на мозоль, с некоторых пор ставшую у сотрудников ДПС любимой, – но связываться не стал, ограничившись тем, что проводил остряка долгим, пристальным взглядом. Остряк уселся за руль своего доро-

гого японского «кроссовера», запустил двигатель и укатил. В свете фар проезжавшей мимо машины капитан отчетливо видел, что он даже не подумал пристегнуться ремнем безопасности: семь бед – один ответ. Меркулов потянулся за микрофоном рации, но, передумав, вяло махнул рукой: а мне это надо?

Закурив очередную, бог весть которую по счету сигарету, капитан откинулся на спинку сиденья. Слева, на юго-западе, раскинулся мутный, размытый на полнеба электрический купол. Там была Москва – город, ради сомнительного удовольствия быть законным обитателем которого Николай Меркулов много лет назад связал свою судьбу со службой в милиции. Поодаль островком яркого света в безбрежном океане сырой октябрьской мглы виднелась заправочная станция. У колонки с дизельным топливом стоял мощный седельный тягач со сверкающей хромом цистерной. Во времена детства и юности Николая Меркулова такие машины были фантастическим дивом, увидеть которое можно было только на экране кинотеатра, в каком-нибудь западном фильме. Теперь они превратились в обыденное зрелище, в такую же помеху движению юрких легковушек, как и замызганный «КамАЗ» с эмблемой какого-нибудь провинциального ДРСУ на дверце. Мир вокруг менялся буквально на глазах, а жизнь в общем и целом оставалась такой же, как прежде: хочешь жить – умей вертеться.

Час пик давным-давно миновал, и катившийся в сторону аэропорта транспортный поток был неравномерным – то пусто, то густо. Мимо, волоча за собой длинный хвост нетерпеливо моргающих указателями левого поворота легковушек, проползла большегрузная фура. Потом полоса встречного движения очистилась, и, проводив колонну взглядом, капитан увидел, как вереница мигающих оранжевых огоньков стремительным ручейком потекла влево, огибая препятствие. Дыгайло прохаживался по обочине, засунув под мышку радар, и тоже курил, солдатски держа сигарету огоньком в ладонь.

Вдалеке блеснули фары приближающегося автомобиля. Прапорщик посмотрел в ту сторону, выбросил окуроч, подобрался и поднял радар. Капитан мысленно отдал должное глазомеру напарника: теперь, когда машина подошла ближе, он тоже увидел, что она несется чересчур быстро. Днем определить на глаз скорость движущегося объекта несложно, поскольку вокруг полно неподвижных ориентиров. Иное дело – ночь, когда не видно ничего, кроме двух слепяще ярких пятнышек в кромешной тьме. В таких условиях, особенно если дело происходит на прямом участке дороги, бывает трудно понять, движется ли машина вообще, не говоря уже о том, чтобы определить ее скорость. За годы службы капитан Меркулов этому художественно научился, но до Дыгайло ему было далеко: прапорщик не высматривал нарушителей и не вычислял – он их просто чуял, и порой начинало казаться, что это чутье граничит с экстрасенсорными способностями.

Радар, надо полагать, выдал ожидаемый результат: опустив своего кормильца, Дыгайло торопливо шагнул на проезжую часть и выбросил перед собой светящийся полосатый жезл. Машина, оказавшаяся черным спортивным кабриолетом с жестким складным верхом, пулей пронеслась мимо, едва не сбив прапорщика, который молодым оленем сиганул из-под колес. Возмущенный возглас застыл у Меркулова на губах: в тот миг, когда мчащаяся на бешеной скорости машина показала ему свою обтекаемую корму, он увидел тревожное рубиновое сияние тормозных огней. На мгновение стоп-сигналы погасли, потом загорелись вновь – водитель давил на тормоз, пытаясь подчиниться требованию сотрудника ГИБДД и остановить машину, но на скорость движения это, увы, не влияло.

Рука капитана протянулась к рулевой колонке и повернула ключ зажигания раньше, чем мозг выдал стандартную формулировку: отказ тормозной системы. В таких случаях избежать катастрофы можно различными способами: от использования стояночного тормоза и торможения двигателем до аккуратных, по касательной, ударов о неподвижные препятствия – отбойники, ограждения, бордюры...

Здесь, на загородном шоссе, неподвижных препятствий не было, а что до ручного тормоза и иных хитростей, то до них еще надо додуматься. Профессионал в подобных случаях действует автоматически, на голом рефлексе, – на то он и профессионал, – а любителю, как правило, требуется некоторое время, чтобы осмыслить ситуацию и принять решение. Этому – опять же как правило – мешает паника, из-за которой простая механическая поломка сплошь и рядом становится причиной человеческих жертв.

Дыгайло запрыгнул в машину на ходу, повалился на сиденье, хлопнул дверцей и сказал сквозь зубы:

– Гони, Михалыч. У него по ходу тормоза отказали.

– Вижу, – тоже сквозь зубы откликнулся Меркулов, вдавливая педаль газа в пол.

Мысль о том, чтобы предоставить идиота, разогнавшего машину без тормозов до верных ста сорока километров в час, своей судьбе, мелькнула и исчезла, оставив на память о себе лишь легкую досаду. Капитан Меркулов считал себя неплохим человеком, умеющим разграничивать рутинную работу по выписыванию штрафов и действительно острые, требующие немедленного вмешательства ситуации. Сейчас была как раз такая ситуация; в ушах у капитана звучал трубный зов служебного долга, а установленный в машине электронный шпион фиксировал каждое его движение и каждое слово, не позволяя этот зов проигнорировать.

Черный кабриолет уже скрылся из вида за поворотом. Мощный турбированный двигатель полицейской иномарки бархатно взревел, сдуваемые встречным воздушным потоком струйки дождевой воды на стеклах изменили направление, потекли сначала параллельно земле, а потом и вовсе вверх, норовя вскарабкаться на крышу. Меркулов врубил сирену и проблесковые маячки, и ночь прорезали тревожные красно-синие вспышки.

Погоня оказалась недолгой, и давать водителю потерявшей управление спортивной машины инструкции через внешний громкоговоритель не пришлось. Преодолев крутой поворот, Меркулов резко ударил по тормозам. На обочине, моргая оранжевыми огнями аварийной сигнализации, наперекосяк стояла давешняя фура, а слева от шоссе лежал вверх колесами в глубоком кювете черный кабриолет. Все было ясно без свидетельских показаний: на повороте водитель взбесившейся иномарки окончательно потерял контроль над ситуацией, превратившаяся в неуправляемый метательный снаряд машина по касательной задела полуприцеп фуры, отскочила, вылетела на полосу встречного движения и ушла в кювет.

– Аптечкухвати, – коротко распорядился Меркулов и, выбравшись из-за руля, побежал через дорогу к перевернутому кабриолету.

Здесь уже был второй участник ДТП – небритый дальнобойщик в тренировочных шароварах и надетой на голое тело ватной телогрейке. На ногах у него были пляжные шлепанцы, которые поминутно спадали, норовя потеряться в мокрой ночной траве. Руки у него тряслись, голос дрожал, губы прыгали, но действовал он, как убедился Меркулов, вполне грамотно и где-то даже самоотверженно: не побоявшись возможного взрыва бензобака, вытащил пострадавшего из машины и оттащил на безопасное расстояние. Впрочем, чуточку осмотревшись и подумав, капитан решил, что самоотверженность тут ни при чем. В реальной жизни перевернутые машины загораются и тем более взрываются далеко не так часто, как на экране, да и вытаскивать раненого водителя ниоткуда не пришлось: как и большинство лихачей на крутых иномарках, он пренебрегал ремнем безопасности, и при первом же ударе его, как из катапульты, выбросило из машины сквозь ветровое стекло.

Теперь он лежал в мокрой траве, освещаемый только фонарем, который держал в руке дальнобойщик, да разноцветными вспышками: оранжевыми – аварийной сигнализации и красно-синими – проблесковых маячков полицейской машины. Это был крупный, спортивного телосложения мужчина лет сорока или чуточку меньше, рано облысевший, с холемым, чуть одутловатым лицом офисного работника, одетый в дорогой темный костюм и модное тонкое полупальто из шерсти австралийских мериносов. Судя по виду, досталось ему крепко, что

нисколько не удивило капитана Меркулова: после таких приключений редкому счастливчику удается выжить, а уж невредимым не остается никто. Переломы, черепно-мозговые травмы, внутренние повреждения, множественные порезы – вот далеко не полный перечень удовольствий, выпадающих на долю того, кому посчастливилось при такой аварии не сломать себе шею.

– Дышит? – спросил подоспевший Дыгайло. В руке у него была аптечка.

– Вроде дышит, – сказал капитан. – Давай погляди, что можно сделать. Хоть голову ему перебинтуй, что ли...

– А смысл? – внимательно всмотревшись в распростертое у его ног тело, возразил прапорщик. – Только аптечку зря разукomплектуем, он ведь все равно того... не жилец.

– Напомни-ка, где ты получил диплом врача, – опускаясь перед раненым на корточки и шаря по внутренним карманам в поисках документов, холодно произнес Меркулов. – Давай, Валера, работай. Человек ведь!

Документы нашлись в пиджаке. Если верить им, пострадавшего звали Виктором Яковлевичем Лисовским. Подсвечивая себе карманным фонариком, Меркулов сравнил фото в водительском удостоверении с лежащим на земле оригиналом. Фотография, честно говоря, выглядела намного лучше, но сомнений быть не могло: на ней был изображен именно тот человек, который сейчас лежал в мокрой октябрьской траве, балансируя на тонкой грани между жизнью и смертью.

– Что ж вы так, Виктор Яковлевич? – убирая документы в карман форменного бушлата, вздохнул капитан.

Раненый вдруг открыл глаза. Его лицо исказила болезненная гримаса, губы шевельнулись. Послышался булькающий, хриплый стон, а потом Лисовский невнятно, с трудом выговорил:

– Вот такая... сучья... Бурунда.

– Что ерунда, то ерунда, – пробормотал, взясь с перевязочным пакетом, не расслышавший последнего слова Дыгайло.

Меркулов, которому послышалось то же самое, что и прапорщику, молча кивнул. Лисовский больше ничего не говорил. Он лежал неподвижно и даже не стонал, вспышки цветных огней короткими проблесками отражались в его открытых глазах. Капитан вдруг заметил, что эти глаза не моргают, поискал на шее раненого пульс, не нашел и медленно выпрямился, кивнув напарнику, чтобы убрал ставшую ненужной аптечку. Отойдя на несколько шагов, он закурил, постоял немного, вдыхая сырой ночной воздух пополам с табачным дымом и дождем, а затем, уже никуда не торопясь, направился к машине, чтобы вызвать по рации «скорую».

Глава 5

Шла уже вторая половина октября. Дни стояли то солнечные, то пасмурные, но неизменно теплые, зато по ночам в воздухе явственно чувствовалось дыхание приближающихся холодов. Природа медленно, но верно погружалась в осень; кроны деревьев еще зеленели, но в них становилось все больше желтизны, и, если приглядеться, можно было заметить, как сильно они поредели. Дворникам прибавилось работы; во дворах, на газонах и вдоль бордюров на проезжей части воздвиглись пестрые кучи опавшей листвы, и дорожные рабочие в грязных оранжевых жилетах, скребя по асфальту совковыми лопатами, забрасывали ее в медленно ползущие вдоль обочин самосвалы.

За городом тоже наступила осень. Опустевшие после отлета птиц леса примолкли в ожидании недалекого уже первого снега; то, что могло пожелтеть, мало-помалу желтело и облетало, лишь сосны и ели с присущим им стойким упорством зеленели назло готовящейся к очередному наступлению зиме. Здесь, на берегу Оки, сосны росли вековые, в два, а то и в три обхвата. Под сенью раскидистых вечнозеленых крон почти не было подлеска, поросшую седым мхом и вереском песчаную почву покрывал толстый ковер рыжей хвои и старых, с растопыренными чешуйками, шишек. Берег полого спускался к реке, заканчиваясь у самой воды невысоким песчаным обрывом. Над водой нависли корявые, перепутанные корневища, а сам обрыв, как швейцарский сыр дырками, был источен норками ласточек-береговушек. По случаю приближения зимы этот многоквартирный жилой комплекс сейчас пустовал, но можно было не сомневаться, что весной его обитатели вернуться, чтобы вывести потомство.

Старые сосны стояли редко, напоминая медные колонны какого-то гигантского храма, возведенного в незапамятные времена неизвестной науке расой великанов. Среди них в десятке метров от обрыва приткнулась немолодая темно-зеленая «Нива» с рязанскими номерными знаками. Ближе к реке уже потрескивал, с аппетитом пробуя на вкус сухой хворост, почти бездымный костерок. Рядом с ним виднелся складной походный столик, и крупный, чтобы не сказать огромный, мужчина в линялом камуфляже без знаков различия, присев на корточки, выкладывал на него припасы из объемистого армейского рюкзака.

Его спутница, выглядевшая лет на пятнадцать – двадцать моложе, сидела в складном кресле лицом к реке и задумчиво курила. У нее были большие темные глаза, короткая стрижка, стройная, ладная фигура и немного грустное лицо – не столько красивое, сколько миловидное. Мельком взглянув на нее, хотелось обернуться и присмотреться внимательнее... то есть не присмотреться, а просто посмотреть еще разок, пока не ушла. На ее спутника тоже оборачивались, но уже по иной причине, которую сам подполковник ВДВ Быков не мудрствуя лукаво описывал общеизвестной цитатой из классика: «По улицам слона водили». Он был хмурый гигант с габаритами библейского Голиафа, мускулатурой Геркулеса и твердым, словно вырубленным из камня, лицом. Принимая во внимание эту примечательную наружность, даже самые толстокожие и бестактные из зевак косились на чету Быковых осторожно, исподтишка, опасаясь, как бы чересчур пристальное внимание не вывело угрюмого богатыря из душевного равновесия и он не сделал с невежей то, для чего, судя по внешности, был предназначен самой матерью-природой.

Каков Роман Данилович Быков изнутри, знали очень немногие, и эти немногие, как правило, не чаяли в нем души. Разумеется, его супруга Даша Быкова относилась к их числу, но ей, в отличие от всех остальных, незачем было раскладывать по полочкам достоинства и недостатки мужа: она просто была в него влюблена. «Влюблена, как кошка», – однажды призналась она Юрию Якушеву в минуту откровенности, наступившую после энного по счету стаканчика водки, и тот, зная обоих супругов как облупленных, отлично понял, что она имела в виду.

Роман Данилович выставил на столик контейнер с замаринованным по собственному рецепту мясом, выложил шампуры и совсем уже было собрался приступить к священному ритуалу приготовления шашлыка, как вдруг обнаружил, что костер практически прогорел, углей в нем явно недостаточно для стряпни, а хворост, подобранный в радиусе нескольких метров от кострища, вышел весь, до последней щепки.

– Ай-ай, непорядок, – со свойственным ему похоронным выражением лица посетовал подполковник Быков и, выпрямившись во весь свой двухметровый рост, окликнул жену: – Дарья Алексеевна, душа моя! Посодействовать не желаете? Принять, так сказать, посильное участие в процессе приготовления пищи...

– Не-а, – не оборачиваясь, отказалась от заманчивого предложения Дарья Алексеевна. – Я посильно поучаствую в процессе чуточку позже, на этапе приема пищи. А этап ее приготовления меня сегодня почему-то не привлекает. Давай договоримся о разделении труда.

– Чего это? – с угрозой, которая незнакому человеку могла показаться нешуточной, переспросил подполковник.

– Очень просто, – все так же не оборачиваясь, пустилась в объяснения Даша. – Когда я дома на кухне готовлю ужин, ты сидишь на диване и смотришь телевизор, так?

– Ты сама не велишь путаться под ногами, – голосом трудного подростка, вызванного на допрос к директору школы, проворчал Быков. Он едва заметно улыбался, поглядывая по сторонам в поисках дров, и продолжал выкладывать из рюкзака немудреную снедь – помидоры, огурцы, свежую зелень, ржаной хлеб и все прочее, без чего в России обходится очень редкий пикник.

– Это несущественно, – с металлом в голосе отрезала Даша. – Ведь сидишь же? Сидишь, да еще как сидишь! Бывает, что и лежишь. И храпишь на весь дом, так что соседи мне потом еще неделю жалуются... Я стряпаю, ты смотришь телевизор – это нормально дома, после рабочего дня. А в выходной на природе пусть будет наоборот: ты стряпаешь, а я люблюсь пейзажем. И вообще, шашлык женских рук не терпит!

– «Москва слезам не верит», – безошибочно определил источник прозвучавшей цитаты Быков, который, уйдя с действительной службы на преподавательскую работу, не без удовольствия наверстывал упущенное, восполнял пробелы и расширял кругозор в том, что касалось культурных ценностей мирного времени. – Ну и наслаждайся своим пейзажем на голодный желудок! Это я к тому, – пояснил он, – что в четыре руки было бы быстрее.

– Я не тороплюсь, – утешила его Даша. – А свинья все равно мертвая, она не убежит.

– Дичь жареная, она не улетит, – сказал Быков. – «Бриллиантовая рука».

Блеснув познаниями в киноклассике, он подхватил с земли страховидный саперный тесак, который успешно использовал в качестве туристского топорика, и отправился за дровами.

Оставшись одна, Даша наконец обернулась и посмотрела ему вслед. Ее так и подмывало окликнуть мужа и предложить свою помощь или просто подняться и нанизать мясо на шампуры. Другое дело, что делать этого не стоило: если бы Быков действительно нуждался в ее помощи, просьба прозвучала бы иначе. Он вообще никогда не просил помочь ему в делах, с которыми хотя бы теоретически мог справиться самостоятельно. Откровенно говоря, Даша побаивалась, что однажды ее благоверный переоценит свои силы, не отличит простое от сложного и останется один на один с проблемой, которую уже не сможет решить без посторонней помощи.

Прогнав дурные мысли, она закурила новую сигарету и сосредоточила свое внимание на пейзаже, который и впрямь того стоил. За рекой лежали подернутые туманной дымкой заливные луга с разбросанными там и сям темными округлыми кустарника и одинокими кряжистыми дубами. Дубы были приземистые, раскидистые, как всегда бывает там, где деревьям не приходится наперегонки с собратьями тянуться к солнечному свету. Конические копны сена

издалека смахивали на шатры кочевого племени, а стоявший в ложбинах туман напоминал стелющийся над землей дым многочисленных костров.

День выдался погожий, теплый – один из последних по-настоящему хороших, золотых деньков в уходящем году, – и Даша порадовалась тому, что они с мужем все-таки не поленились и выехали вдвоем на природу. Особенно приятным на этот раз почему-то казалось отсутствие компании – привычной, дружеской, веселой, но все-таки какой-то не такой, как хотелось бы. Собственно, удивляться тут было нечему. Все Дашины друзья остались в Москве, а друзей Романа и вовсе развели, разбросали по свету дороги бесчисленных локальных войн и вооруженных конфликтов, и даже те, кому посчастливилось остаться в живых, напоминали о себе лишь редкими открытками по праздникам да еще более редкими телефонными звонками. Те, кто окружал Дашу и Быкова сейчас, были милые, приятные, симпатичные люди – знакомые, приятели, сослуживцы, соседи – словом, кто угодно, только не друзья в истинном, изначальном значении этого слова. С ними было просто здорово проводить время, но так же здорово, а может быть, еще и лучше, вдруг оказалось разочек обойтись без них.

Единственным общим другом Даши и Романа Даниловича был Юрка Якушев – странный по нынешним прагматичным меркам, причудливо изломанный жизнью идеалист, добровольно променявший студенческую скамью и научную карьеру на сапоги и автомат. Он сейчас обрелся в Москве – служил в спецназе ФСБ, чем Быков, кажется, был втайне очень недоволен. Когда-то Даша и Якушев вместе работали и даже несколько раз делили постель. Ничего не зная наверняка, Даша догадывалась, что эта подробность ее биографии мужу известна, – такой уж был человек Юрка Якушев, что вряд ли стал бы поддерживать со своим бывшим командиром отношения, не внося в них предварительно полную и окончательную ясность. Реакция со стороны Быкова была нулевая, и Дашу это порой даже злило: он что, совсем не ревнует?!

Впрочем, это уже были нюансы, не имевшие ровным счетом никакого значения. Англичане говорят, что у каждого человека в шкафу хранится собственный скелет, и Даша Быкова, несмотря на свою молодость, была достаточно опытной и мудрой женщиной, чтобы не сомневаться в справедливости этого высказывания.

Ее размышления, уже готовые плавно перетечь в легкую дремоту, прервал шум двигателя и треск сухих веток под колесами подъехавшего автомобиля. Оглянувшись через плечо, она досадливо поморщилась: в нескольких метрах от их «Нивы» остановился разрисованный под зебру джип. Трубчатая рама «кенгурятника» и установленная на крыше хромированная дуга были густо усажены дополнительными фарами, на далеко выступающем вперед массивном бампере виднелся барабан лебедки. Выхлопная труба была выведена наверх, как у трактора, а по верхней части ветрового стекла тянулась наклейка с надписью по-английски: «The Beast» – «Зверь». В салоне на пределе громкости грохотала музыка – как и следовало ожидать, блатной шансон.

Из машины, весело гомоня, полезли коротко стриженные молодые люди, лица которых показались Даше не обезображенными печатью интеллекта. Она слегка напряглась, но тут из-за деревьев показался Быков с охапкой сухих сучьев в обнимку, и Даша, расслабившись, вернулась к созерцанию пейзажа.

Увы, это занятие уже не доставляло ей прежнего удовольствия. Мешала продолжавшая грохотать за спиной музыка, чужие голоса и откровенное позвякивание стекла, говорившее о том, что нежелательное присутствие посторонней и не слишком приятной компании в этом райском уголке будет вовсе не таким кратковременным, мимолетным, каким могло бы быть, окажись ребята в полосатом джипе воспитанными, тактичными людьми. Приехали, увидели, что место занято, развернулись и уехали – что может быть проще и естественнее, особенно если учесть, что на много километров вокруг те же сосны, та же река, те же заливные луга и ни одной живой души? Но не тут-то было! Ребятки явно не привыкли уступать кому бы то ни

было в чем бы то ни было; наоборот, они привыкли, чтобы уступали им, и пережитые кем-то при этом негативные эмоции для них – просто источник дополнительного удовольствия...

Умнее всего сейчас, конечно же, было собрать вещи и уехать. Хороших, никем не занятых местечек вокруг действительно навалом, весь этот берег на добрых десять километров в обе стороны – сплошное хорошее местечко. Но Даша точно знала, что, сложив в багажник только что выгруженные из него нехитрые пожитки и усевшись в машину, ни в какое хорошее местечко уже не поедет, потому что настроение будет безнадежно испорчено. Унижение – вот как называется чувство, которое она испытала при одной мысли о том, чтобы безропотно, даже не дожидаясь приглашения, уехать отсюда.

С другой стороны, остаться на месте означало ввязаться в более или менее неприятный конфликт, что улучшению настроения тоже не поспособствует. И даже если дело обойдется без ссоры, хорошего все равно мало: пьяная компания и шансон во всю мощь динамиков по соседству – это совсем не то, ради чего они с Романом выбрались за город.

«Куда ни кинь, все клин», – подумала Даша с нарастающим раздражением. День был испорчен окончательно и безнадежно. Она хотела обернуться, чтобы поинтересоваться реакцией мужа на происходящее безобразие, но тут на плечо ей бесцеремонно опустилась чужая рука, приобняла, будто невзначай скользнув по груди, и один из приехавших в полосатом джипе молодых людей, опустившись перед ней на корточки, с гаденькой улыбкой уличного ловеласа сказал:

– Привет, красивая!

– Скучаем? – присоединился к нему, участливо склонившись над Дашей, второй.

Даша погасила окурок о подошву своего туристского ботинка и очаровательно улыбнулась.

– Уже нет, мальчики, – сказала она.

* * *

С неба, которое было бы по-настоящему голубым, если бы не повисшее над городом сизое марево выхлопных газов, светило по-осеннему мягкое, незлое солнышко. Дувший с утра ветер прогнал тучи и стих, так что на пригреве было по-настоящему тепло. О вчерашнем ненастье напоминали только темные пятна и полосы влаги вдоль бордюров и в трещинах асфальта, куда намело пыли. Где-то неподалеку размеренно шаркала дворницкая метла, и сквозь несмолкающий, похожий на океанский прибой шум большого города время от времени можно было услышать, как падает, с шорохом и негромкими щелчками задевая ветки, сорвавшийся с дерева мертвый лист.

Ростислав Гаврилович сидел на садовой скамейке в сквере, держа на колене свернутую газету, и рассеянно поглядывал по сторонам из-под козырька кепки, надетой не столько для того, чтобы защитить генеральскую лысину от непогоды, сколько из милосердия к прохожим, которых неизменно пугал обезобразивший его макушку страшный шрам. Одно время, сразу после выписки из госпиталя, Алексеев пытался носить парик, но привыкнуть к шраму (и даже к не всегда адекватной реакции на него окружающих) оказалось легче, чем к тому зрелищу, которое Ростислав Гаврилович наблюдал в зеркале, когда его надевал (парик, разумеется, а не зеркало).

Поблескивающие из-под козырька кепки солнцезащитные очки в сочетании с газетой придавали ему окончательно криминальный, шпионский вид, но тут Ростислав Гаврилович ничего не мог поделать: очки ему были необходимы, потому что вместе со шрамом он приобрел заболевание, в просторечье для краткости именуемое светобоязнью. Газету же генерал прихватил безо всякой задней мысли, просто затем, чтобы скоротать время и узнать новости, которых не было в оперативных сводках.

С новостями он просчитался, как, впрочем, и всякий раз, когда в голову ему взбрела эта блажь – почитать прессу. Материалы, что не были написаны под диктовку тех, кто платил газетчикам (или тех, кого они боялись), поражали разве что низким уровнем информированности авторов да убожеством их же фантазии. Все это заставляло вспомнить крылатое изречение (принадлежащее, кажется, Ярославу Гашеку): «Новости – это то, что от вас скрывают, все остальное – реклама».

О Верхней Бурунде в газете не было ни слова; вообще, средства массовой информации говорили на эту тему мало и невнятно. Генерал Алексеев не видел в этом ничего удивительного: рекламодателей в широком смысле этого слова данное государство-однодневка не интересовало, а информация о происходящих там событиях в силу ряда объективных причин была скудной, трудно поддающейся проверке и вряд ли достоверной.

И это было очень, очень плохо.

Ростислав Гаврилович вспомнил лицо и голос немолодой женщины – пожалуй, своей ровесницы, может быть, лишь чуточку моложе, – с которой переговорил буквально пару часов назад. Оставалось только гадать, как, каким чудом она его разыскала и сумела выйти на контакт. Их знакомство было мимолетным и ни к чему не обязывающим, а встреча – единственной и не особенно запоминающейся. Лет с тех пор прошло немало, и на протяжении всего этого времени генерал ничего об этой женщине не слышал. Конечно, муж и жена – одна сатана; кроме того, ее благоверный мог на всякий случай оставить ей координаты бывшего сослуживца. Правда, было непонятно, откуда эти координаты у него самого, да и подобные фортели никогда не были ему свойственны: муж этой дамы всегда четко отделял служебный долг от личных интересов и никогда не пытался использовать свое положение в корыстных целях. Впрочем, долго гадать не стоило. Верным, скорее всего, было первое предположение: с кем поведешься, от того и наберешься. Доведенная до отчаяния женщина способна на многое, а если она при этом еще и жена офицера – да не просто офицера, а опытного армейского разведчика, – о, тогда держись! Муж может сколько угодно скрывать от нее подробности, касающиеся своей работы, но жена, если это именно жена, а не холеная пиявка, круглые сутки занятая болтовней по телефону и полировкой ногтей, все чувствует сердцем и со временем овладевает способностями и навыками матерого резидента, не говоря уже о замашках командующего армией, в зачаточном виде свойственных любой женщине.

Суть дела, по которому она разыскала Ростислава Гавриловича, была предельно проста и стала ясна ему очень быстро. Женщина не кривила душой, говоря, что ей больше не к кому обратиться: насколько понимал генерал Алексеев, дело было заведомо гнилое, бесперспективное и ни одно наделенное маломальской властью официальное лицо не стало бы с ним связываться из опасения испортить себе карьеру.

(То же самое, к слову, он мог с чистой совестью сказать и о себе самом. Действуя официальным порядком, по команде, генерал ФСБ Алексеев мог добиться только медицинского освидетельствования на предмет психической вменяемости с последующим уходом в отставку: если болен – лечись, а если здоров и продолжаешь упорно нести заведомый бред, значит, пора, тебе, братец, на покой...)

Спору нет, официальные лица предприняли все шаги, которые были обязаны предпринять, – разослали запросы, сделали необходимые звонки, получили отрицательные ответы и развели руками: простите, мы сделали все, что было в наших силах. Это была чистая правда, и это было хуже всего.

В паспорте гражданина любой страны мира написано, что паспорт является собственностью данной страны, а владелец документа находится под ее защитой. Это тоже правда – до определенного предела. И только наивный глупец, полагающий себя центром вращения вселенной и не видящий дальше собственного носа, может заблуждаться по поводу отдаленности этого предела. Быть под защитой родной страны – примерно то же самое, что быть под защитой

папы и мамы. Тут все зависит от того, насколько силен и влиятелен папа и насколько убедительной (или напористой и громогласной, что зачастую оказывается намного полезнее) умеет быть мама в спорах с соседями, школьными учителями и родителями одноклассников.

Но даже американец, у которого самый сильный «папа» и самая крикливая «мама» на всем белом свете, вряд ли может всерьез рассчитывать, что его великая страна объявит войну другому государству и вторгнется на чужую территорию только затем, чтобы выручить своего гражданина из неприятностей, в которые его угораздило впутаться по собственному недомыслию или в силу каких-то иных, более уважительных причин. Обратившаяся к Ростиславу Гавриловичу дама была далеко не глупа и отлично понимала, что официальным порядком помочь ей не может никто. Дипломатические переговоры – дело долгое и непростое, особенно если речь идет о переговорах с засевшей в лесистых предгорьях бандой вчерашних каннибалов, именующих себя борцами за свободу и независимость от другой точно такой же банды чернокожих разбойников, провозгласившей себя законным правительством. А высаживать парашютный десант на другом континенте с целью найти и вернуть на родину полтора десятка погнавшихся за длинным долларом строителей никто не станет: росту международного престижа страны это никоим образом не поспособствует, результат такой акции непредсказуем, а затраты на данное мероприятие заведомо несоизмеримы с его конечной целью.

И тем не менее, все отлично понимая, Екатерина Андреевна Саранцева пришла к Ростиславу Гавриловичу и попросила о помощи. И, вникнув в суть проблемы, генерал Алексеев был вынужден признать, что эта приятная во всех отношениях дама мастерски загнала его в угол, заставив выбирать между двумя «не могу».

С одной стороны, он не мог ей помочь, не рискуя по самые уши увязнуть в крайне неприятной, могущей иметь самые скверные последствия для него лично истории. А с другой – не мог отказать. Потому что в не столь уж давние времена муж Екатерины Андреевны подполковник Саранцев, нарушив прямой приказ командования, поднял свою группу по тревоге, угнал «вертушку» и, превратив в дымящиеся руины два аула, отыскал и вывез к своим попавшего в плен в бессознательном состоянии, полумертвого от ран и пыток полковника Алексева. Саранцеву это даром не прошло: он не только с треском вылетел из армии, но и отсидел в колонии строгого режима два с половиной года из тех восьми, что щедро отмерил ему самый гуманный в мире российский суд.

Мишка Саранцев сваял большого дурака, действуя по слегка устаревшему принципу: «Русские своих на войне не бросают». Позднее выяснилось, что в сожженных аулах не было никого, кроме чеченских боевиков и арабских наемников, а спасенный такой дорогой ценой и в нарушение приказа полковник Алексеев располагал воистину бесценной оперативной информацией. Те, кто спустя два с половиной года вызволил Саранцева из тюрьмы, приняли это во внимание – в отличие от тех, кто его туда засадил. Но все это в сложившейся ситуации не имело значения: поднимая своих ребят по тревоге, Саранцев мог только предполагать, как все обернется. Для него лично та история кончилась в меру погано – чего он, разумеется, просто не мог не предвидеть. То есть дурака он таки сваял, и теперь сделать то же самое предлагалось Ростиславу Гавриловичу – если, конечно, он не хотел навсегда остаться в собственных глазах трусливой мразью, не затрудняющей себя возвращением долгов.

Невеселые размышления генерала были прерваны появлением в дальнем конце аллеи Якушева. Спец шел, держа руки в карманах короткой спортивной курточки, своеобразной легкой, пружинистой походкой и с самым благодушным видом поглядывал по сторонам. Росточка в нем было без какой-то мелочи два метра; при соответствующем крутом развороте плеч и ширине грудной клетки его фигура не казалась громоздкой от переизбытка с трудом втиснутой в едва не лопающуюся по швам одежду мускулатуры. У него было телосложение скорее легкоатлета или волейболиста, чем борца. Когда-то он подавал надежды в таком несерьезном, с точки зрения генерала Алексеева, виде спорта, как фехтование, но с тех пор утекло уже очень

много воды, и теперь, если Якушев брал в руки холодное оружие, на его кончике больше не было защитного колпачка.

Наверное, это было логично. Если бокс, как и большинство видов борьбы, ведет свое начало от обыкновенной уличной драки, то фехтование и стрельба – это виды спорта, представляющие собой не что иное, как окультуренное, облагороженное, остановленное на полпути убийство. Точный укол рапирой, как и попадание в яблочко, означает смерть противника, пускай только условную. Записаться в секцию фехтования или стрелковый кружок можно случайно; можно, наверное, даже достичь определенных успехов, не задумываясь о том, чем ты, собственно, занимаешься, чему в конечном счете учишься. Но процент тех, кого привела в этот спорт неосознанная тяга к победе над противником не через его физическое унижение, как в других единоборствах, а через быстрое, аккуратное, техничное убийство, наверняка достаточно велик. И Якушев, надо полагать, относился именно к этому сорту людей, о чем сам, скорее всего, не догадывался. Насколько было известно генералу, в армию этого чудака привели романтические бредни пополам с неразделенной любовью. Но романтика романтике рознь. Как там было в песне? «Шпаги звон, как звон бокала, с детства мне ласкает слух...» А потом: «Вжик, вжик – уноси готовенького!» Чертовски романтично.

В общем и целом все это была чепуха. Юношеская любовь прошла, дерево романтики облетело, обнажив корявый скелет голой, неприглядной сути, и Якушев стал тем, кем стал. Он был скверным солдатом, ибо слишком любил рассуждать и зачастую оказывался много умнее тех, кто им командовал, что в строю, мягко говоря, не приветствуется, но зато отменным воякой, получившим свою кличку Спец не за здорово живешь. Для работенки, которую имел на примете Ростислав Гаврилович, парень подходил, как никто другой, и это было единственное, что действительно имело значение.

Предмет размышлений Ростислава Гавриловича тем временем приблизился, окинул его быстрым взглядом, без приглашения уселся рядом на скамейку и светским тоном не без яду осведомился:

– Это вы продаете славянский шкаф?

Такое обращение лишний раз подтверждало правоту генерала: строевой офицер из этого остряка был, как из бутылки молоток, и гонять его по плацу означало попусту тратить время, нервы и казенные деньги.

– Надеюсь, когда ты постареешь и перестанешь быть таким красавчиком, как сейчас, рядом с тобой окажется кто-нибудь, кто вернет тебе мой должок, – сказал Ростислав Гаврилович.

– Виноват, – покаянно произнес Якушев. – Просто не сумел сдержаться. Нет, правда, вам бы еще в газете дырки для глаз прорезать – ну вылитый шпик начала девятнадцатого века!

– Даже в девятнадцатом веке до нашей эры далеко не все шпики были идиотами, – заметил генерал Алексеев. – Перейдем к делу или ты еще немного позубоскалишь насчет моей внешности?

– Виноват, – повторил Спец. – Что у вас стряслось?

– У меня? – демонстративно изумился генерал. – С чего ты взял?

Якушев лишь пожал плечами и красноречиво усмехнулся. Голова у него, как всегда, была на месте, и рассуждал он вполне логично. По служебной необходимости генералы вызывают майоров к себе в кабинет, а не назначают встречу с глазу на глаз в скверике, расположенном на приличном удалении от упомянутого кабинета.

– Ладно, умник, шутки в сторону, – сдаваясь, сказал Ростислав Гаврилович. – У меня действительно кое-что стряслось. И я должен сразу оговориться: то, о чем пойдет речь, – не приказ, а личная просьба.

– Честно говоря, не ощущаю разницы, – с усмешкой сообщил Якушев.

– Ощутишь, – пообещал Ростислав Гаврилович. – Это не за коньяком сгонять, поверь. И ты действительно можешь отказаться, причем без каких-либо негативных последствий.

Якушев снова усмехнулся, и генералу стоило большого труда не поморщиться: он и сам почувствовал, насколько неубедительно это прозвучало. Он не собирался кривить душой, но, наверное, все-таки покривил, потому что и сам не знал, какотреагирует на отказ, сможет ли после этого относиться к Спецу по-прежнему. А если не сможет, упомянутые негативные последствия парню гарантированы: без надежного прикрытия сверху этот баламут в два счета навлечет на свою непутевую голову целый вагон неприятностей.

– За мной должок, – сказал генерал. – Его необходимо срочно вернуть. Вышло так, что вернуть его сам, своими руками, я не в состоянии – годы не те, да и дела не отпускают.

– Я слушаю, товарищ генерал, – прервал затянувшуюся паузу Якушев.

– Надеюсь, что слушаешь, – ворчливо огрызнулся Ростислав Гаврилович. – И полагаю, что вправе рассчитывать на твоё внимание... Что ты знаешь о Верхней Бурунде?

– И вы туда же, – хмыкнул Якушев. – Просто помешательство какое-то...

– Я задал вопрос, – напомнил генерал.

Спец пожал широкими плечами, вынул из кармана сигарету, покатав в пальцах и спрятав обратно в карман.

– О Верхней Бурунде я знаю только то, о чем трещали по телевизору, – сказал он. – Свеженькое, с пылу с жару, самопровозглашенное государство на севере Центральной Африки. Как я понял, ребята затеяли военный переворот с целью захвата власти, но кишка у них оказалась тонка, они ушли в леса, установили контроль над парой провинций и объявили себя независимым государством. А законному правительству в свою очередь оказалось не по плечу их раздавить, разогнать и восстановить территориальную целостность государства. В общем, что-то в этом роде там, в Африке, по-моему, происходит непрерывно, и единственное, что кажется примечательным в этой истории, – это внимание, уделенное ей нашими СМИ. Это ведь даже не беспорядки в Египте, а просто драка стаи макак из-за грозди бананов.

– Больше всего на свете не люблю две вещи: расизм и негров, – цитатой из бородастого анекдотаотреагировал на неполиткорректное высказывание Якушева Ростислав Гаврилович. – Это все?

– По телевизору болтали о возобновлении разработки какого-то угольного месторождения и даже, кажется, строительстве железной дороги – для транспортировки угля, как я понял. По-моему, это какой-то бред. Какая-то высосанная из пальца независимость – даже не автономия, а именно независимость, – угольные копи какие-то... Откуда в Центральной Африке уголь?

– Перспективность разработки месторождения подтверждена заключением независимой экспертной компании, – нейтральным тоном напомнил Ростислав Гаврилович.

– Экспертам, конечно, виднее, – пожал плечами Якушев и вдруг сел ровнее, заинтересованно повернувшись к собеседнику всем корпусом. – Постойте, постойте! Где, говорите, работал этот чужак с гранатой – Орешин, кажется? Представительство независимой коммерческой экспертной компании? И как раз по оценке запасов полезных ископаемых... Ну и чуйка у вас, товарищ генерал! С такой чуйкой вам бы в органах работать! Только связи я все равно пока не вижу...

– Возможно, ее и нет, – успокоил его Ростислав Гаврилович. – А если есть, то нас она, скорее всего, не интересует. Откровенно говоря, на республику Верхняя Бурунда как таковую мне лично наплевать с высокого дерева. Просто где-то там пропал один хороший человек, которому я многим обязан...

– Один? – уточнил Якушев.

– Вообще, их там примерно полтора десятка, но я знаком только с одним.

– Ага, – глубокомысленно объявил Спец. – Тогда понятно, откуда она вдруг нарисовалась, эта республика. Непонятно только, на кой ляд она вам понадобилась.

Генерал немного помолчал, вперив в него изумленный взгляд сквозь темные стекла очков, а потом, сообразив, что имел в виду этот умник, усмехнулся:

– Вот тут ты, братец, не угадал. Это не группа военных советников, и поехали они туда не партизанить, а строить ту самую железную дорогу, о которой ты только что упомянул. Последние новости из этой Бурунды слышал?

– Последнее, что я слышал, – это что правительственные войска перешли в наступление и отобрали у повстанцев приличный кусок территории, которую те контролировали. Вскользь прошло упоминание об использовании танков и боевых вертолетов. Я понял так, что законное правительство перехватило где-то деньги, прикупило пару списанных железок и решило использовать полученное таким путем военное преимущество, пока это самое преимущество не заглохло и не встал вопрос о покупке к нему запчастей. И, пока у воюющих сторон не кончатся боеприпасы, там будет твориться ад кромешный.

– В котором, – подхватил Ростислав Гаврилович, – бесследно затерялись полтора десятка российских граждан. Один из этих граждан как-то раз вытащил меня буквально с того света...

– Я понял, – перебил его Якушев. – Посылать главарю разбойничьей шайки, который бежит по лесам от правительственных войск, консульские запросы бессмысленно, а отправлять туда десантно-штурмовой батальон экономически нецелесообразно. Топливо, боеприпасы, амуниция, харчи, выплаты солдатам за участие в боевых действиях, и все это ради нескольких гражданских лиц, которых, между прочим, никто туда на аркане не тянул... В общем, выберутся сами – хорошо, а не выберутся – бабы новых нарожают.

– По форме грубовато, – заметил генерал Алексеев, – но основную суть ты уловил. Понимаешь, этот человек...

– Не надо, товарищ генерал, – сказал Якушев. – Вы многим обязаны ему, я – вам. Получается взаимозачет... Да и вообще, мне еще в первой моей учебке объяснили, что десант своих в беде не бросает. Может, тут, в России, я бы с половиной из них на одном поле по большой нужде не присел, но это тут, а там – другое дело. Там они для меня – свои. Короче, когда заброска?

Мимо с громким гудением и шорохом прокатился небольшой трактор, сметая опавшую листву навешенной сзади цилиндрической щеткой. Генерал немного помедлил с ответом, пережидая эту помеху, и, когда стало потише, сказал:

– Сроки и способ заброски – это мелкие технические детали, которые мы обсудим, как только ты соберешь группу.

Спец шумно поскреб в затылке. Лицо у него было озадаченное.

– Группу? – переспросил он. – А одному нельзя?

– А основания?

– Самые общие, – без запинки ответил Юрий. – В той ситуации, которую мы имеем, что один человек, что пять – капля в море. Чтобы действовать напролом, силой, там нужна небольшая армия, которую нам с вами, во-первых, не наwerbовать – прямо скажем, не олигархи, а умирать за идею нынче как-то немодно, – а во-вторых, не протащить через полтора континента так, чтобы этого никто не заметил. Это первое. Второе: я уже действовал в составе группы в схожих обстоятельствах, и желания снова наступать на эти грабли у меня, извините, нет. Следить за собой и отвечать за себя одного как-то, знаете ли, проще и спокойнее.

– Я тебе сто раз говорил, что ты одиночка, – напомнил Ростислав Гаврилович, – а ты спорил, чудак. В общем, решать тебе. Только, когда будешь решать, помни, что твоей задачей является не создание комфортных условий для себя, а поиск и спасение людей. Справишься один – в добрый час, мне это только на руку, потому что дешевле обойдется. Но, если есть хотя бы тень сомнения... В общем, подумай. Даю сутки на размышление.

– Могу быть свободным? – спросил Якушев.

Генерал кивнул. Юрий легко поднялся, сунул в уголок рта сигарету, которая уже давно не давала ему покоя, и вынул из другого кармана зажигалку.

– Еще одно, – сказал Ростислав Гаврилович.

Спец вынул сигарету изо рта.

– Да?

– Спасибо, сынок.

– Пока не за что, – отмахнулся Якушев и наконец-то закурил, пустив по ветру легкое, тающее на лету облачко дыма.

Глава 6

Собирая дровишки, Роман Данилович терзался угрызениями совести. Лето нынче не задалось. Сначала его попросили подменить захворавшего коллегу в летнем курсантском лагере, и он не смог отказаться (да, честно говоря, и не хотел, что бы ни плел перед отъездом жене). Потом коллега выздоровел, и они уже начали паковать чемоданы, но тут у соседей сверху прорвало водопроводную трубу. Возвращаться после отпуска в руины никому не хотелось, а ремонт как-то незаметно съел то, что планировалось потратить в Сочи. Потом Даша, которая никогда не болела, ухитрилась в середине августа подхватить свирепую ангину, и не успели они оглянуться, как лето кончилось. Вышло, как у попрыгуны-стрекозы, что лето красное пропела, – правда, с точностью до наоборот: свое лето они не пропели, как намеревались, а бездарно профукали, проведя его в каких-то бестолковых хлопотах и мелочной суете.

Даша, разумеется, ни словом, ни взглядом не выразила своего недовольства, но Роман Данилович предполагал, что такое имеет место быть. Почему? Да потому! Потому что, чтобы человек был доволен, для этого необходим повод. А отсутствие повода для довольства автоматически может рассматриваться как повод для недовольства. Логично? Еще бы нет! А если жена недовольна, кто виноват? Муж. Логика в этом уже гораздо меньше, но так принято считать, и подполковник Быков не собирается с этим спорить. Потому что он и сам так считает: женился – хоть поперек себя ляг, но сделай так, чтоб жене не на что было пожаловаться! Так мужику по жизни положено. Кем положено, почему, зачем – неважно: положено, и точка. А свое так называемое равноправие полов отдайте тому, кто его придумал. Кларе Цеткин на могилку положите, а лучше – прикопайте, чтоб ветром обратно по свету не разнесло...

Вернувшись к костру, он с легким неудовольствием обнаружил, что за время его отсутствия картина здесь переменялась, причем явно не в лучшую сторону. «Ага, – подумал он, – тогда такой вопрос: если недоволен муж, кто в этом виноват? То-то, что жена! Хорошая вещь – логика. А главное, правдивая, жизненная. Ведь что получается? На минуту же нельзя оставить! Отлучился дровишек подсобрать, и, пожалуйста, любуйся: вокруг нее уже толпа ухажеров!» Изменения выражались в размалеванном под зебру джипе с кучей дополнительных фар, «кенгурятником» и лебедкой, который, словно не найдя себе другого места на безлюдном лесистом берегу, остановился чуть ли не бок о бок с «Нивой» Быковых. В машине надрывалась музыка, и крепкие, стриженные мало не наголо молодые ребята сноровисто выгружали из багажника провизию – в основном картонные ящики с водкой и запаянные в полиэтилен блоки пивных бутылок.

Повод для недовольства был налицо, хотя Даша тут была явно ни при чем. На мгновение она обернулась, скорчила недовольную гримаску, а затем, заметив мужа, снова стала разглядывать реку. Роману Даниловичу это показалось лестным – за ним, как за каменной стеной, и так далее, – но справедливости ради ему пришлось напомнить себе, что для невозмутимости у Даши имеются и другие причины, его лично никоим образом не касающиеся.

Он спокойно подошел к костру, свалил на землю свою ношу, подбросил в угасающий огонь пару-тройку сучьев и вплотную занялся шашлыками. Молодые люди из джипа, числом четыре, уже разгрузили привезенные с собой горюче-смазочные материалы и, судя по поведению, приступили к активному поиску неприятностей. Роману Даниловичу показалось немного странным, что они приехали на природу без баб; видимо, молодым людям это тоже показалось не вполне правильным, потому что двое из них, с некоторой опаской покосившись на Быкова, начали бочком дрейфовать в сторону Даши. Двое других направились напрямиком к Роману Даниловичу с явным намерением его нейтрализовать – как именно, каким из множества существующих способов, должно было выясниться в ближайшее время.

Сноровисто нарезая саперным тесаком лук, Роман Данилович про себя мысленно подивился наблюдаемой картине. Она словно вся, целиком, пришла сюда из лихих девяностых, разве что джип был посовременнее тогдашних угловатых сундуков да ребятки щеголяли не в тренировочных костюмах и кожаных куртках, а в разномастном камуфляже, который ничего не говорил о роде их занятий. Нынче так может одеться кто угодно – рыбак, охотник, грибник, обыкновенный дачник, сотрудник частной охранной фирмы, бандит... Список можно продолжать до бесконечности, но зачем? Камуфляжным тряпьем сегодня завалены все рынки и магазины, как будто на свете наступило всеобщее полное разоружение, армию упразднили, а содержимое военных складов пытаются распродать через торговую сеть, чтоб добро не пропало. Или, наоборот, как будто человечество готовится к тотальной всепланетной войне всех со всеми и загодя запасается обмундированием...

Чтобы не быть неправильно понятым, он отложил в сторону и прикрыл пропитанной мясным соком газеткой свой страховидный тесак, а затем принялся перемешивать в пластиковом контейнере мясо – пятерней, как полагается по священным и неизблемым правилам приготовления шашлыка, принятым в средней полосе России. В отличие от Даши, закаменевший затылок которой выдавал крайнюю степень владевшего ею раздражения, Роман Данилович не испытывал ярко выраженных отрицательных эмоций по поводу присутствия на берегу посторонних лиц. Он был кадровый боевой офицер и за десятилетия службы привык отдыхать – вести дружеские беседы, принимать пищу, выпивать и даже спать – в любых условиях, хоть по пояс в болоте, хоть под ураганным огнем противника. Поэтому появление нарушившей их с супругой уединение компании его не особенно напрягало. Другое дело, что вновь прибывшие явно не разделяли его миролюбивого настроения, но это уже были их личные проблемы.

Способ, избранный парнями для решения этих проблем, не вызывал у подполковника Быкова ни восторга, ни осуждения: кто он, в конце концов, такой, чтобы судить и давать советы незнакомым людям? Ребята не виноваты, что их плохо воспитали; виноваты, как водится, семья, школа и армия – либо в лице плохих командиров, не сумевших выбить из сопляков дурь, либо в лице военкома, который за взятку или по недосмотру поверил, что эти крепыши не годны к несению строевой службы.

– Слышь, мужик, – подойдя, обратился к Быкову один из молодых людей, – давай собирай свою полевую кухню и заканчивай портить пейзаж. Мы отдохнуть приехали...

– Мы тоже, – кротко заметил Роман Данилович. Парламентер остановился в паре метров от стола, на расстоянии, исключавшем (по его мнению, которое было ошибочным) возможность прямого силового контакта. Это указывало на наличие у него какого-никакого глазомера, развитого инстинкта самосохранения и некоторого количества серого вещества – увы, явно недостаточного для верной оценки ситуации и принятия правильного решения. Он, как и его приятели, строил свои расчеты на примитивной арифметике: четыре больше, чем один, значит, волноваться не о чем. – Мне проблемы не нужны, – почти просительно добавил Быков, – но на самом-то деле мы первые сюда приехали.

– Первые приехали, первые и уедете, – безапелляционно объявил второй парламентер, заметно ободренный миролюбием противника, которое ошибочно принял за проявление трусости.

– Скорей отвалите – целее будете, – добавил первый. – Мы-то с Волохой ничего, а вот приятели наши – пацаны горячие...

Со стороны реки вдруг послышался короткий удаляющийся вопль, за которым последовал шумный, тяжелый всплеск.

– О, – тоном, каким говорят о погоде, заметил стоявший лицом к реке Быков, – один уже остужается. Вы, чем впустую языками чесать, лучше б друзьям помогли. Плавать-то они хоть умеют или как?

«Парламентеры», как по команде, развернулись на сто восемьдесят градусов. Один из их спутников куда-то исчез, и о его местонахождении можно было догадаться лишь по доносившимся из-под обрыва звукам – беспорядочному плюханью, плеску воды и перемежаемому дробным лязгом челюстей прочувствованному мату.

Второму из «горячих пацанов» приходилось туго. С первым Даша явно поторопилась, отправив его за пределы досягаемости раньше, чем успела отвести душу. Женщина она была разумная, здравомыслящая, умела честно признавать свои ошибки и теперь, внеся необходимые поправки, катила незадачливого ухажера не к реке, а от нее, в сторону костра. В этом процессе активно участвовали все четыре ее конечности; ухажер, бывший на голову выше ее и, наверное, раза в два тяжелее, пытался сопротивляться, но пока что ему не удавалось даже толком подняться на ноги.

Зрелище было впечатляющее и в высшей степени поучительное – для тех, разумеется, кто не утратил способности и желания чему-то учиться. «Парламентеры», похоже, не имели ни того, ни другого. Забыв о Быкове, который не выказывал ни малейшего намерения принять участие в увеселении, они ринулись на выручку своему приятелю. Тот из них, что был чуточку проворнее и сообразительнее, наклонился на бегу и прихватил из принесенной Романом Даниловичем кучи дров длинный кривой сук.

Быков открыл рот, но промолчал: Даша сама заметила угрозу и приняла необходимые меры. Бросив забавляться со своей стокилограммовой живой игрушкой, она красивым боковым ударом отправила измочаленного противника отдохнуть на травке и вернулась в боевую стойку, чтобы отразить новую атаку. Набежавший «парламентер» махнул своей двухметровой дубиной; госпожа Быкова легко уклонилась, нырнув под удар и заодно сократив дистанцию до минимума. Пройдя через пустоту, дубина с силой уткнулась концом в землю; буквально в следующее мгновение владелец этого первобытного оружия свернулся калачиком и повалился на бок, почти одновременно получив три сокрушительных удара: кулаком в солнечное сплетение, коленом в пах и на закуску локтем по основанию шеи.

Даша ловко завладела выпавшей из разжавшихся пальцев дубиной. Быкову стало интересно поглядеть, что она будет с ней делать, и он поглядел. Драгоценная Дарья Алексеевна управлялась с кривой двухметровой лесиной так, словно с ней и родилась. Для начала она сделала короткий точный выпад, как копьем, ткнув последнего из нападавших дубиной в брюхо. Нападавший послушно сложился пополам; когда толстый сук с треском переломился о его хребет, Роман Данилович вернулся к стряпне. Лука было нарезано уже вполне достаточно, и разжалованный собственной супругой в повара подполковник принялся неторопливо нанизывать мясо на шампуры, чередуя сочные куски свинины с колечками лука и ломтиками помидоров.

Судя по доносившимся до него звукам, лишь частично заглушаемым грохочущей в салоне джипа музыкой, Даша продолжала давать выход своему раздражению. «Куд-да-а, куда пополз?!» – услышал Роман Данилович азартный возглас жены, за которым последовал звук смачной оплеухи. Кто-то заверещал, как попавший в силки заяц. «Болевой», – подумал Быков, аккуратно откладывая в сторону готовый шампур и принимаясь за следующий. Неторопливо работая руками, он размышлял о несовершенстве окружающего мира – в частности, о существенно осложняющей людям жизнь невозможности с первого взгляда определить, кто перед тобой: друг или враг, хороший человек или подонок, беззащитная жертва или опытный инструктор по боевым единоборствам.

От этих размышлений его отвлек безболезненный, но весьма ощутимый толчок в бедро. Опустив глаза, Быков увидел причудливо разрисованную красными потеками, разбитую вдребезги физиономию, которая с испугом и изумлением взирала на него снизу вверх одним глазом. Второй глаз заплыл живописным фингалом, который уже приобрел цвет спелой сливы и обещал вскоре почернеть. Рукав камуфляжной куртки был наполовину оторван, а сама куртка, как и прочие предметы гардероба, была мокра насквозь, из чего следовало, что о судьбе сбро-

шенного Дарьей Алексеевной в реку гражданина можно не беспокоиться: подтверждая справедливость известной поговорки, он даже и не думал тонуть.

– Она что, бешеная? – прохрипел, обращаясь к Быкову, непотопляемый гражданин и, дождавшись короткого утвердительного кивка, взмолился: – Убери ее на хрен!

– Не могу, – показывая ему наполовину нанизанный шампур, ответил Роман Данилович, – видишь, руки заняты. Да и здоровьем я, в отличие от вас, дорожу. Вот кто тебя, лба здоровенного, надоумил в октябре купаться? Ты вот что. Пока совсем не простыл, давай-ка выключай свою шарманку, а то из-за нее ни черта не слышно. Выключай, зови друзей, грузите обратно в машину свое барахло и отчаливайте. Только перед девушкой извиниться не забудьте.

– Перед кем?! – с горькой иронией воскликнул купальщик и, не дожидаясь ответа, направился к джипу. Первые два шага он сделал на четвереньках, а затем, спохватившись, с заметным усилием принял более или менее вертикальное положение.

Роман Данилович вернулся к прерванному занятию. Потом музыка стихла. Быков поднял глаза, намереваясь похвалить своего недавнего собеседника, оказавшегося неожиданно благо разумным, и понял, что поторопился: не вняв доброму совету уносить ноги подобру-поздорову, «купальщик» решил переломить ход сражения. В руках у него было кое-что пострашнее сухого соснового сука, а именно охотничье ружье со скользящим затвором помпового типа – на вид довольно дорогое и с вместительным, на всю длину ствола, трубчатым магазином. Подтверждая серьезность своих намерений, мокрый до нитки гражданин с подбитым глазом передернул затвор. Быков подождал еще немного, надеясь, что разум возобладает и заряд картечи уйдет в безоблачное небо, но ствол дробовика начал опускаться, нащупывая цель, более досягаемую, чем Луна или Альфа Центавра, из чего следовало, что шутки кончились и пришло самое время вмешаться.

Роман Данилович аккуратно отложил в сторону шампур с нанизанными на него кусками мяса, взял пустой и, не примериваясь, метнул его. Раздался тупой металлический лязг, и одноглазый стрелок изумленно воззрился на торчащую из пробитой насквозь дверцы в нескольких сантиметрах от его ребер витую стальную рукоятку с загнутым в колечко концом. Затем он перевел взгляд на Быкова. Подполковник подбросил в воздух саперный тесак, поймал его за рукоятку, красноречиво взвесил на ладони и негромко сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.